

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3 (7), 2014

Филология. История. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшвинный**, д-р ист. наук
(главный редактор серии)
О. М. Карнова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Капустин Н. В.** Комедия А. Н. Островского
«Не в свои сани не садись»: поиски имени 3
Овчинина И. А. Пьеса «Воспитанница» в твор-
ческой эволюции А. Н. Островского 8

История

- Балдин К. Е.** Паломнические мемуары конца
XIX — начала XX в. как исторический источ-
ник 15
Ильин Ю. А. Динамика изоцен на мелкоовар-
ном продовольственном рынке Европейской
России (весна 1917 г. — весна 1918 г.) 28

Костылёва Е. Л., Тарасов А. Ю., Уткин А. В.
Импортные орудия русско-карельского типа
из раскопок Сахтышских стоянок: стратигра-
фия, планиграфия, хронология 34

Степанов А. В. «Старые» и «новые» вузы Пе-
тербурга 1900-х гг. по материалам справоч-
ных изданий 41

Философия

Когаловский С. Р. Математическая деятель-
ность как деятельность метапредметная 55

Куликова О. Б. Эволюционная эпистемоло-
гия как антропологическая исследовательская
программа 64

Матсар М. Освоение пространственных свя-
зей жанром натюрморты (На материале живо-
писи Т. Мишиной) 69

Смирнов Г. С. Детские и райские мифо-
миры: связь времен в художественном твор-
честве О. Субботиной 73

Сведения об авторах 77

*Информация для авторов «Вестника Ивано-
вского государственного университета»* 79

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 3 (7), 2014

Philology. History. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362

tel./fax: (4932) 32-66-00

e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription

in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can be found

on the web-sites www.elibrary.ru,

www.ivanovo.ac.ru

CONTENTS

Philology

Kapustin N. V. Ostrovsky's comedy «Stay in your own sled»: the search for the name 3

Ovchinina I. A. Play «Vospitannitsa» («Foster Girl»/«Protégée») in the course of A. N. Ostrovsky's creative evolution 8

History

Baldin K. E. Pilgrims' diaries at the turn of the XIX—XX cc. as historical sources 15

Ilyin Y. A. Graphic prices dynamics on the small-scale food market of European Russia (spring 1917 — spring 1918) 28

Kostyleva E. L., Tarasov A. U., Utkin A. V. Import tools of Russian-Karelian type from excavations of Sakhtysh settlements: stratigraphy, planigraphy, chronology 34

Stepanov A. V. «Old» and «new» higher education facilities of St. Petersburg in the 1900s according to the reference books 41

Philosophy

Kogalovskiy S. R. Mathematical activity as an meta-object activity 55

Kulikova O. B. Evolutionary epistemology as anthropological exploratory program 64

Matsar M. The reflection of spatial relations in the genre of still life: the realm of painting of T. Mishina 69

Smirnov G. S. Children's and paradisaic mythic worlds: the connection of times in the artistic creative work of O. Subbotina 73

Information about the authors 77

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 79

ББК 83.3(2=411.2)52-8Островский

Н. В. Капустин

КОМЕДИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»: ПОИСКИ ИМЕНИ

На основании рукописных источников рассматриваются изменения, связанные с выбором имен персонажей комедии А. Н. Островского, анализируется художественная логика этих изменений.

Ключевые слова: А. Н. Островский, комедия, имя, видоизменение, семантика.

On the basis of A. N. Ostrovsky's manuscripts the article describes changes in the choice of the characters' names in his comedy and analyses artistic logic of these changes.

Key words: A. N. Ostrovsky, comedy, name, change, semantics.

В современной социокультурной ситуации имена героев А. Н. Островского: Сысой Псоич, Мокий Пармёныч, Меропа Давыдовна или даже более нейтральное Савёл Прокофьевич — могут казаться неестественно-вычурными, искусственными. Однако если сознавать, что перед нами реалии уже очень далекого прошлого, знать, что диковинно звучащие сегодня имена персонажей Островского имеют под собой реальную основу, ракурс их восприятия изменится. Нельзя не согласиться с Ю. Олешей, который писал: «Какие замечательные фамилии в пьесах Островского. Тут как-то особенно грациозно сказался его талант. Вот маленький человек, влюбленный в актрису, похищаемую богатыми. Зовут Мелузов. Тут и мелочь, и мелодия. Вот купец — хоть и хам, но обходительный, нравящийся женщинам. Фамилия Великатов. Тут и великан, и деликатность. Перед нами соединение непосредственности находки с отработанностью; в этом прелесть этого продукта творчества гениального автора; фамилии эти похожи на цветки...

Вдову из «Последней жертвы» зовут Тугина. Туга — это печаль. Она и печалится, эта вдова. Она могла бы быть Печалиной. Но Тугина лучше. Обольстителя ее фамилия Дульчин. Здесь и дуля (он обманщик), и «дульче» — сладкий (он ведь сладок ей!).

В самом деле, эти звуки представляются мне рядком цветов. Может быть, потому, что одному из купцов Островский дал фамилию Маргаритов?» [6, с. 406].

Говоря об именах героев Островского, исследователи обычно останавливаются на окончательном варианте имени или фамилии. Но такой вариант зачастую возникал далеко не сразу, конечному выбору предшествовали поиски, порой достаточно долгие и напряженные. Один из примеров этого дают рукописи комедии «Не в свои сани не садись» (1853).

Известны три рукописных источника пьесы: черновой автограф, хранящийся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки; авторизованная писарская копия, местом хранения которой является Рукописный отдел

© Капустин Н. В., 2014

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00113.

Пушкинского Дома, и авторизованная театральная (режиссерская) копия Музея Малого театра. Если в режиссерской копии Островским были восстановлены несколько пропущенных слов и устранены несколько искажений, то две другие рукописи содержат большую авторскую правку, касающуюся, среди прочего, и интересующих нас изменений в антропонимике комедии.

При знакомстве с афишей чернового автографа выясняется, в частности, что здесь еще не названы некоторые персонажи, вошедшие в окончательный текст [3, с. 27]. Таков, например, Андрей Андреич Баранчевский, приятель Вихорева. Впрочем, в действии он участвует, хотя под именем, еще очень далеким от окончательного. Как заметил Н. П. Кашин, «...сначала его имя было обозначено буквой П (в III действии, явл. 7-м его фамилия — Петренков), а во 2-м действии — буквами МФ» [4, с. 135]. К этому нужно добавить, что на ранней стадии работы имя Баранчевского — не Андрей, а Алексей. Изменились и имена других героев пьесы. Селиверст Потапыч Маломальский первоначально имел отчество Иванович, а Иван Петрович Бородин был Петром Ивановичем Бородиным. Имя Анны Антоновны, жены Маломальского, внесено впоследствии, сначала она была названа просто «жена» [8, л. 1].

Но самые существенные и наиболее интересные изменения в именовании касаются одного из главных героев комедии — Виктора Аркадьича Вихорева, названного так в окончательном тексте комедии. В черновом автографе будущий Вихорев предстает как Фёдор Фёдорыч Ганц, с этим именем он и участвует в действии, хотя на отдельных листах, относящихся к первому действию, его фамилия — Вольфов.

Вслед за Н. П. Кашиным нужно подчеркнуть, что текст чернового автографа впоследствии «еще раз подвергся пересмотру и поправки были сделаны уже не в настоящей рукописи (то есть в рукописи чернового автографа. — Н. К.), а в другой, быть может, белой» [4, с. 137].

О существовании остающейся неизвестной белой рукописи, увы, можно говорить только предположительно, но многие из авторских поправок, вошедших в окончательный текст, сделаны в авторизованной писарской копии. Большинство содержащихся в ней изменений войдут в первую публикацию пьесы (Москвитянин. 1853. № 5). Однако в ряду известных нам источников писарская копия занимает еще промежуточное положение между черновым автографом и публикацией «Москвитянина». Текстовые фрагменты, отсутствующие в черновом автографе, но появляющиеся в журнальной публикации, были уже в писарской копии. С другой стороны, она еще испещрена многочисленными поправками и имеет большую связь с черновым автографом, чем текст, который будет опубликован в «Москвитянине». Показательно, например, что в третьем действии писарской копии наблюдается неожиданное возвращение к первоначальному варианту имени Вихорева (Фёдор Фёдорыч Ганц), которое, хотя и было исправлено во всех случаях, все же несет печать чернового автографа. Это возвращение тем более неожиданно потому, что в писарской копии встречается еще один вариант имени героя — Лихарев. На каком-то этапе совершенствования текста рукой переписчика или самого Островского эта фамилия, появляющаяся с самого начала развития действия, будет изменена: Лихарев станет Вихоревым. В тексте авторизованной писарской копии впервые также появляются новое имя и отчество героя: прежний Фёдор Фёдорыч становится Виктором Аркадьичем.

Чем вызваны эти метаморфозы, что заставляло Островского искать имя героя? Что позволило сделать окончательный выбор?

Прежде всего нужно сказать, что Островский вообще трудно расставался с создаваемыми произведениями, продолжая совершенствовать их даже в тех случаях, когда, кажется, уже давно можно поставить точку. Что касается комедии «Не в свои сани не садись», то 15 мая 1852 года он сообщал М. П. Погодину, что «доставит» ее, вероятно, ранее сентября [7, т. 11, с. 46]. В начале августа пьеса была в основном завершена, но через некоторое время Островский вновь сообщает Погодину: «Бог мне помог написать хорошую комедию; но Вам я ее прочту только тогда, когда совершенно отделаю. Я дней 5 посижу дома и займусь ей...» (там же). Однако и этого оказалось мало: «Я должен еще дня три заняться своей комедией и прежде совершенной отделки ее не хочу к Вам являться...» (XI, 51). Наконец, на каком-то этапе общения с Погодиным Островский с самоиронией пишет: «Пришлите мне какого-нибудь переписчика. Если я сам стану переписывать, то кончу не ближе будущего нового года: во 1-х, потому что 50 листов, а во 2-х, потому что я буду по часу думать над каждой строкой, нельзя ли ее как поправить. Это уж моя страсть» (XI, 50). 6 октября состоялось чтение комедии автором. Однако и в октябре, и в ноябре он, вероятно, еще продолжал работать над текстом, поскольку только в середине ноября сообщал Ф. А. Бурдину: «Новую комедию я кончил и на днях отправляю в Петербург» (XI, 52).

Таким образом, поиск имени был лишь одним из моментов «переписывания» комедии, в ходе которого, как показывает изучение рукописей, проводилась существенная композиционная правка, изменялись реплики и монологи героев, уточнялись характеристики места действия и пр. Но какова все-таки художественная логика метаморфоз, происходящих с именем «искателя женского сердца», почему Фёдор Фёдорович Ганц через несколько промежуточных ступеней становится Виктором Аркадьичем Вихоревым?

Судя по соединению имени и отчества с фамилией, Фёдор Фёдорович Ганц — обрусевший немец. Но смысловой и аксиологический акцент Островский ставил не на этом. На первый план выходило чужое и чуждое русской жизни европейское (немецкое) начало, причем воплощенное не столько в семантике фамилии (Gans — гусь), сколько в ее иностранном звуковом облике. Из того же ряда и фамилия Вольфов, близкая прежней своим происхождением и нерусским звучанием, хотя семантически от нее далекая (немецкое Wolf — волк). В сознании автора комедии Ганц и Вольфов, безусловно, резко противостояли таким персонажам, как Русаков и Бородкин, в фамилиях которых заострялась принадлежность к русской жизни, ее национальным основам. Фамилия Русаков говорит сама за себя, но «говорящей» оказывается и фамилия Бородкин, стоит только учесть, что в соответствии со сложившейся еще в Древней Руси традицией борода воспринималась Островским как «символ русской народности, русской старины и предания» [1, с. 320].

Итак, явленная в фамилиях контрастность русского и европейского (немецкого) на раннем этапе работы над пьесой дана с отчетливой, если не сказать предельной, резкостью. Но скорее всего, именно эта, граничащая с прямолинейностью, резкость и определила отказ Островского от немецкой фамилии героя, тем более что в комедии он изначально представал связанным с миром русской жизни. Действительно, художественная концепция комедии основывается не на антитезе «Россия — Европа», а на противопоставлении «провинция — столица» (в данном случае это Москва), что, вероятнее всего, и заставляло Островского искать русскую версию фамилии героя. В итоге на страницах авторизованной писарской копии появляются Лихарев (остающийся еще Фёдором Фёдоровичем) и — наконец — Виктор Аркадьич Вихорев.

Фамилия Лихарев непосредственно связана со словом «лихарь», означающим «лиходея, злой человек, колдун, знахарь, который портит людей» [2, т. 2, с. 257]. За исключением значения, которое содержит слово «знахарь», остальные тесно соотносимы с героем Островского (впрочем, к нему приложимо и то действие — «портит людей», которое в данном случае приписывается знахарю). Сомнение способно вызвать слово «колдун», на первый взгляд никак не вяжущееся с героем. Однако мотив колдовства/ворожбы отчетливо звучит в речи влюбленной Дуни Русаковой в четвертом явлении второго действия: «На грех я его увидала! Так вот с тех пор из ума нейдет, и во сне все его вижу. Словно я к нему привороженная какая» (I, 300).

Вместе с тем, судя по текстовым соответствиям, в сознании Островского фамилия Лихарев соотносилась не только с теми значениями, которые содержит слово «лихарь». Во всяком случае, те или иные качества героя, его поступки с достаточной определенностью корреспондируют с имеющим более широкий круг значений словом «лихой».

Применительно к герою Островского это слово лишено положительных ореолов, которые присущи ему в определенных контекстах (к примеру, молодецкий, удалой, решительный, смелый). Восхищение действиями героя возникает только у недалекой Арины Федотовны и жаждущей «амуров» Анны Антоновны, называющих его молодцом и ловким парнем (четвертое явление третьего действия), но это, конечно, не план авторского сознания. Авторское же истолкование, наоборот, выдвигало на первый план те значения слова «лихой», которые имели явно отрицательный, вплоть до inferнальных коннотаций, смысл. Островским, несомненно, учитывалось, что «лихой» есть не что иное, как злой дух, Сатана, враг, враг, зложелатель [2, т. 2, с. 257].

Наиболее ощутимы эти значения слова в репликах Русакова. В пятом явлении второго действия слово «враг» («враг рода человеческого», то есть Сатана) появляется в его устах еще в довольно широком контексте: «Нет больше счастья на земле, как жить своей семьей в мире да в благочестии — и самому весело, и люди на тебя будут радоваться. А врагу рода человеческого это досада немалая; он тебя будет всяким соблазном соблазнять, всяким прельщением» (I, 301). Иначе будет на более позднем этапе развития сюжета, когда в репликах Русакова слово «враг» (семантически переключившееся, конечно, с «врагом рода человеческого») подразумевает уже вполне конкретное лицо — избранника его дочери: «Пусть лучше умрет на моих глазах, только не доставайся моему врагу» (I, 321). Ср. с последующими словами, адресованными Дуне: «Где же тот-то? где мой враг-то?..» (I, 324).

Соотнесенность героя с inferнальным существом поддерживается и другими текстовыми фрагментами. Так, Дуня Русакова с самого начала воспринимает свою влюбленность как беду («И надо же было этому делу сделаться!.. Беда, да и только...»; «...как увидала я этакого красавца, так у меня сердце и упало; ну, думаю, быть беде»), грех («На грех я его увидала!»), ее преследует чувство тревоги и страха. Героиня комедии испытывает ощущения, какие возникают у человека, встречающегося с нечистой силой. Прельщающая красота ее избранника, как и его неискренность, лживость — признаки, которые, согласно распространенным христианским представлениям, обычно атрибутируются Дьяволу. В этом плане показателен диалог Дуни и Бородинки из четвертого явления второго действия: при всей своей психологической и бытовой конкретике, которая у Островского всегда на первом плане (речь идет о русском дворянине), он содержит смыслы, вызывающие ассоциации с inferнальным существом:

«А в д о т ь я М а к с и м о в н а (*оглядывается кругом, тихо*). Да ты, Ваня, не сердись! Я тебе все расскажу, ты сам рассудишь. <...> ...Как увидела я этакое красавца, так у меня сердце и упало; ну, думаю, быть беде. А он, как нарочно, такой ласковый, такие речи говорит.

Б о р о д к и н. Знаем мы эти речи-то. Оне хороши, пока вы их слушаете. <...> ...У них речи ученые — говорят одно, а думают другое» (I, 300).

Наконец, о связи героя с инфернальным сигнализирует и его достаточно неожиданное появление в Черемухине, и звучащий в его речи мотив кривого пути («...уж пушусь на счастье, куда кривая ни вынесет»), и его чертыханье, как бы указывающее на близкие отношения с нечистым (из всех персонажей комедии слово «черт» звучит только в его устах).

Итак, у Островского были все основания назвать своего героя Лихаревым, поскольку те значения, которые имеют слова «лихарь» и «лихой» в русском языке и культуре, имеют несомненные соответствия в тексте его комедии. Однако он предпочел другой вариант: в окончательном тексте действует Виктор Аркадьич Вихорев. Ответить на вопрос, почему так произошло, мог бы, разумеется, только сам Островский. Однако некоторые предположения возможны.

Прежде всего нужно заметить, что фамилия Вихорев семантически близка прежней тем, что также содержит инфернальные смыслы: в народной славянской культуре вихрь традиционно осмысливается как злое, враждебное человеку начало, связанное с нечистой силой [5, с. 92]. Соотносимыми с «лихим» и «лихарем» оказываются и зафиксированные В. И. Далем значения слов «вихрь», «вихрить»: вихрь — столбовой ветер, ветроворот, внезапный и сильный круговой ветер, а вихрить, вихорить — кружить, крутить, вертеть, тревожить [2, т. 1, с. 209].

Вместе с тем в глаголе «вихорничать», также перекликающемся с новонайденной фамилией и означающем «вертопрашничать, быть ветреным, непостоянным, легкомысленным» [там же], отчетливее, чем в словах «лихой» и «лихарь», присутствуют смыслы, характеризующие героя в реально-психологическом плане, которому Островский обычно отдавал предпочтение перед ирреально-метафизическим, присутствующим в его творчестве как дополнительный ассоциативный ответ. Несомненно также, что фамилия Вихорев возникла у автора комедии в сопряжении с именем и отчеством персонажа, свидетельство чему — очевидные звуковые переклички между ними: *Виктор Аркадьич Вихорев*. Кроме того, имя и отчество героя — Виктор Аркадьич (ср.: Виктор — «победитель», а топоним «Аркадия», с которым связано отчество, начиная с античной культуры есть условное обозначение счастливой жизни), объединяясь с фамилией, вносящей очевидный диссонанс в заданную ими идилличность, усиливали сюжетную непредсказуемость и семантическую многоплановость пьесы. Не эта ли счастливо найденная звуковая инструментовка и тонкие смысловые оттенки и поставили точку в поиске имени одного из главных героев?

Библиографический список

1. *Буслаев Ф. И.* Древнерусская борода // Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб. : Лига Плюс, 2001. С. 308—323.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. : Диамант, 2002. Т. 1. 699 с. ; Т. 2. 779 с.
3. *Капустин Н. В.* Из текстологических наблюдений над черновым автографом комедии А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» // А. Н. Островский :

- материалы и исследования : сборник научных трудов / отв. ред., сост. И. А. Овчинина. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. Вып. 4. С. 27—33.
4. *Кашин Н. П.* «Не в свои сани не садись» // Кашин Н. П. Этюды об А. Н. Островском. М. : Типолитография т-ва «И. Н. Кушнеров и К^о», 1912. Т. 2 : К истории текста произведений А. Н. Островского. С. 135—165.
 5. *Левкиевская Е.* Вихрь // Славянская мифология : энциклопедический словарь. М. : Эллис Лак, С. 92—93.
 6. *Олешиа Ю.* Зависть ; Три толстяка ; Ни дня без строчки. М. : Худож. лит., 1989. 494 с.
 7. *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Искусство, 1973—1980. Т. 1. 575 с. ; Т. 11. 781 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.
 8. Рукописный отдел РГБ. Ф. 216. Картон 3098. Ед. хр. 1.

ББК 83.3(2=411.2)52-8Островский

И. А. Овчинина

ПЬЕСА «ВОСПИТАННИЦА» В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Рассматривается жанровое своеобразие пьесы-сцены «Воспитанница», анализируется проблематика и событийный ряд произведения. Особое внимание обращается на воплощение в пьесе поисков драматургом художественной выразительности, а также на те качества, которые связывают «Воспитанницу» с комедией «Доходное место» и с драмой «Гроза».

Ключевые слова: жанр, пьеса-сцена, критика, действие, ремарки, пейзаж, персонаж, нравы.

The article views the genre specificity of the scene-play «Vospitannitsa» («Foster Girl»/«Protégée»), analyzing its basic problems and plot. Special attention is paid to the realization of the playwright's search for artistic expressiveness in the play as well as to the qualities that link «Vospitannitsa» («Foster Girl»/«Protégée») with the comedy «Dokhodnoye mesto» («A Profitable Position») and dramatic play «Groza» («The Storm»).

Key words: genre, scene-play, criticism, action, stage directions, landscape, character, morals.

«Воспитанница» (1859), имеющая жанровое обозначение «сцены из деревенской жизни» [3, т. 2, с. 169], — вторая в творчестве Островского (после «Утра молодого человека») пьеса-сцена. Правда, вначале она была озаглавлена иначе («Кошке игрушки, мышке слезки») и имела другой жанровый подзаголовок — «Картины деревенской жизни». Такая замена заглавия и подзаголовка свидетельствует об особом жанровом и театральном мышлении Островского, заявившего о себе как о драматурге в 1847 году пьесой-картиной («Семейная картина»). Уже самим заглавием («Воспитанница») Островский акцентирует внимание на типичности конкретного социального явления. Тяжелая участь бесприданницы показана в комедии «Бедная невеста», в «Воспитаннице» же

© Овчинина И. А., 2014

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00113.

• Серия «Гуманитарные науки»

драматург заостряет внимание на судьбе и характере сироты, взятой в барский дом на воспитание. Повышенная художественная чуткость автора, к этому времени написавшего и комедии, и народную драму, и драматический этюд, проявилась в стремлении наиболее точно обозначить жанр. Но при этом у Островского жанровые формы лишены жесткой определенности, его пьесы отличаются жанровым синтезом, позволяющим передать богатейшие и тончайшие оттенки, сложное течение жизни и переплетение судеб.

Драматург придавал творчеству большое общественное значение, понимая, что «публика ждет от искусства облечения в живую, изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков», а само искусство побуждает искать новые формы, то есть «заставляет быть нравственнее» (X, 9). Не приемля литературные произведения, наполненные сентенциями и изречениями нравственного характера, Островский подмечает такую «отличительную черту русского народа», как «отвращение от всего резко определившегося», «эгоистически отторгнувшегося от общечеловеческого» (X, 8). Островский в своих пьесах избегал однобокости, тенденциозности, морализаторства, находясь в постоянном поиске новых выразительных средств, подмечая новые качества национального характера, осмысливая своеобразие русской культуры и жизни общества. Это проявилось и в жанровом богатстве пьес драматурга, и в проблематике, и в его персонажах.

Для «Воспитанницы», где показан фрагмент из жизни воспитанницы, характерно динамичное развитие действия, сконцентрированного во времени и в пространстве. Главная героиня в течение нескольких часов переживает сильный стресс, нарушающий ее безмятежное существование и разрушающий внутреннюю гармонию, лишаящий ее жизненной опоры, твердых нравственных убеждений, что в конечном счете ведет к трагедии. Трагедийное начало отметил уже Ап. Григорьев, посчитав «Воспитанницу», наряду с драмами «Гроза» и «Грех да беда на кого не живет», великой трагедией, «скромно названной поэтом — сценами» (II, 735).

В трех сценах пьесы, тесно связанных конфликтом, проблематикой и материалом изображения, Островский представил не только события, но и внутренние переживания, резкие изменения в настроении, в нравственной позиции, в восприятии героиней себя в этом мире. Во всяком случае, не исключается вариант трагического исхода за пределами пьесы. Так постепенно Островский движется от понимания трагичности существования незащищенного человека из народной среды к художественному отражению трагического в жанре, близком к народной трагедии, какой является драма «Гроза». И это свидетельствует о постоянном поиске драматургом формы, адекватной для изображения и художественного осмысления человека, нравов, быта. Художественная свобода драматурга выразилась в том, что он из жанра, казалось бы ограничивающего материал изображения, извлекает богатые возможности, расширяя сферу художественного осмысления. Из кажущихся простодушными высказываний героев, их монологов-воспоминаний, рассуждений, из многочисленных реплик создается картина современных социальных отношений, картина нравственной жизни, картина современного Островскому быта и нравов.

«Воспитаннице» исследователи уделяли гораздо меньше внимания, чем другим пьесам второй половины 1850-х годов. Возможно, потому, что она не так ярко прозвучала после комедии «Доходное место» и не так мощно заявила

о себе, как созданная после «Гроза». Однако в прижизненной драматургу критике развернулась полемика, вызванная статьей Н. Д. Ахшарумова, напечатанной в сборнике «Весна» в 1859 году. Критик обвиняет драматурга в карикатурности, в отсутствии убедительных характеров, в следовании принципам «натуральной школы», что проявилось, по мнению Ахшарумова, в перевесе идеи над художественностью. Ахшарумов видит лишь «грязные пятна» при отсутствии типических картин жизни. С такой позицией решительно не согласился Н. А. Добролюбов в статье «Темное царство», отметив тенденциозность статьи Ахшарумова. Характерно, что высоко оценили пьесу стоявшие на различных эстетических позициях и М. Е. Салтыков-Щедрин, и Д. И. Писарев, и А. А. Григорьев (II, 734—735), что само по себе свидетельствует о том, что «Воспитанница» — пьеса, вызывающая несомненный литературный интерес.

В «Воспитаннице» Островский впервые в своем творчестве местом действия избрал дворянскую усадьбу. Вначале, судя по автографу, «действие происходит весной в подгородной слободе», но в окончательном варианте события развиваются в «усадьбе Уланбековой» [1, с. 279]. Новый материал потребовал от художника расширения сценических приемов. Одним из компонентов пьесы стал пейзаж, отраженный в ремарках и вошедший в событийный ряд произведения. «Часть густого сада, с правой стороны скамейка, на заднем плане решетка, отделяющая сад от поля» (II, 170) — такой картиной открывает автор действие произведения. Заключительную, третью, сцену предваряет ремарка: «Часть сада, на заднем плане пруд, у берега лодка. Светлая ночь. Вдали слышится хороводная песня. Сцена несколько времени пуста» (II, 190). Здесь соединились зрительные и слуховые образы, создающие особую, поэтическую атмосферу. Последняя фраза авторского текста весьма существенна. Драматург, в пьесах которого ощущается режиссерский план, учитывая психологию зрителя, погружает его в мир театральной условности, настраивает на ожидание новых событий, делает паузу эмоционально плотной и эстетически насыщенной.

На фоне этой замечательной природы, под аккомпанемент соловьиных трелей и звучащей издали песни, развиваются драматические события, определяющие дальнейшую судьбу главной героини — воспитанницы помещицы Уланбековой — Нади. Таким образом, конфликт приобретает дополнительную эстетическую окраску. Свои творческие поиски драматург продолжит и в последующих пьесах («Гроза», «На бойком месте», «Воевода», «Лес», «Снегурочка»), показывая человека не только в интерьере, но и в окружении живописной природы.

Помещица Уланбекова, приживалки, ключница, горничные, воспитанницы — это персонифицированный «уровень» дворянского гнезда. Сад, пруд, катание молодых людей на лодке под звуки хороводной песни — атрибуты его существования, передающие очарование дворянской усадебной жизни, что очень важно для театра, которому необходима эстетическая опора, поэтические детали быта.

Хозяйку усадьбы, владелицу двух тысяч душ, драматург наделил фамилией Уланбекова, этимология которой прочитывается без усилий. В черновой рукописи Островский указывает на национальность героини, названной Сосипатрой Давыдовной Услановой: «богатая помещица пожилых лет, с армянским носом и повелевающими бровями» (II, 731). Однако впоследствии от такой конкретизации драматург отказался, что усилило типичность. Не ограничиваясь говорящей фамилией, автор в перечне действующих лиц

дает ее выразительный портрет: «Старуха лет под 60, высокого роста, худая, с большим носом, черными, густыми бровями, тип лица восточный, небольшие усы. Набелена, нарумянена, одета богато, в черном» (II, 169). Внешние приметы азиатского начала (фамилия и восточный тип лица) в ходе событий сильнее оттеняют деспотическую суть Уланбековой. Это характер властный, натура жестокая, не терпящая никаких возражений от кого бы то ни было. Ее власть распространяется не только на домашних, но и на официальных лиц околотка. Она определяет судьбы многих людей, командует исправником, требует сделать столоначальником своего крестника, опустившегося пропойцу Неглигентова. Уланбекова привыкла распоряжаться везде и всюду и уверена в своей власти. К протекционизму она относится как к совершенно естественному явлению и не стесняется просить (а значит требовать — для нее это одно и то же) за Неглигентова, не заботясь о деловой стороне вопроса. «Странный человек у нас исправник; я его прошу, а он говорит, места нет. Я ему говорю: вы, кажется, не понимаете, кто вас просит? Что ж, говорит, не выгнать же мне хорошего человека для вашего крестника! Грубый человек! Однако обещал!» (II, 180).

Островский писал пьесы, понятные как народу, так и образованному читателю, с позиций нравственности оценивая многие явления. Отдельными штрихами драматург рисует картину современной деловой жизни, нравственный облик чиновников, разного уровня начальников, пользующихся теми самыми доходными местами, о которых с впечатляющей художественной выразительностью он сказал в комедии «Доходное место». «Воспитанница», так или иначе, продолжает эту тему, поворачивая ее новыми гранями. В мире протекционизма и мздоимства люди вроде Неглигентова, пьяницы, моты, не наделенные ни интеллектом, ни моральными принципами, находят себе должности. В свое время Неглигентов не смог даже закончить училище, из которого был исключен «за великовозрастие». Из высказывания этого пропойцы известно о нравах, процветающих в училище: «Наш ректор любил приношения и перед экзаменами за неделю рассылал нас всех по родителям за подарками. По количеству сих подарков мы и переводились в высшие классы» (II, 186). Никчемный человек, Неглигентов и на службу был принят, по его же признанию, «по ходатайству сильных лиц». В России продвижение по службе в чиновничьей среде нередко совершалось не с помощью интеллекта или дарования, а благодаря протекции со стороны влиятельных лиц. Как отмечает современный исследователь, «отсутствие демократических свобод, господство в обществе демократии, организованной по военноказарменному принципу... приводило к тому, что чиновник, какой бы он ни занимал пост, полностью зависит от вышестоящего начальства. Нравы же были таковы, что начальство требовалось “неукоснительно почитать”, а его образ действий принимать за образец» [4, с. 161]. «Отчего, между прочим, у нас мало способных государственных людей? Оттого, что от каждого из них требовалось одно — не искусство в исполнении дел, а повиновение», — писал А. В. Никитенко [2, с. 423]. И далее мемуарист формулирует главные пороки современного общества: «Воровство, поверхностность, ложь и неуважение законности — вот наши главные общественные раны» [2, с. 431].

Чуткий к изменениям в общественной жизни, Островский косвенным образом передает в пьесе начинающийся, еще очень слабый, но больно задевающий подобных дворян процесс демократизации. Помещица волнуется за сына, которому не суждено совершить военную карьеру, так как по болезни

он был определен отцом в штатскую школу. Василисе Перегриновне, доносчице и змее, готовой ужалить всех и вся, она признается: «Ты представь только себе, моя милая, когда он кончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В военной службе, особенно в кавалерии, все чины благородны; даже юнкер, уж сейчас видно, что из дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй. Только стоит поучиться да послужить. Другой и из мещан способен к ученью-то, так он, пожалуй, чином-то обгонит. <...> Не люблю я ничего осуждать, что от высшего начальства установлено, и другим не позволяю, а уж этого не похваляю» (II, 184).

Нравы дворянского быта драматург передает через взаимоотношения персонажей, их оценки, диалоги, высказывания. Разные человеческие характеры представлены в «Воспитаннице», что дает возможность судить о жизни помещиков в целом. Пьеса входит в ряд тех произведений русской литературы, которые отражают глубокие и подчас драматические коллизии дворянского бытия. По этим признакам она близка произведениям И. С. Тургенева: комедии «Месяц в деревне», рассказам из жизни помещиков и повести «Муму».

Уланбекова по своему усмотрению женит молодых людей, выдает замуж девушек, калеча тем самым их будущее. И считает себя при этом благодетельницей. Аморализм и жестокость помещицы драматург раскрывает через положение Нади, ее воспитанницы, мало чем отличающегося от положения крепостной. Это совершенно новый у Островского характер. Здесь показана драма сироты, лишенной жизненной опоры в лице родителей. Кроме того, в «Воспитаннице» драматург создает характер девушки из народной среды, отличающийся ярко выраженной индивидуальностью, во-первых, и испытавший влияние чисто внешних сторон дворянского быта с гостями, балами, досужими разговорами, приживалками, во-вторых.

Жизнь в барском доме формирует у Нади представления о нравственных и бытовых ценностях. Она уже оторвалась от народной среды, а в дворянской — своей не стала. Вначале Надя считала, что она сама вправе распорядиться своей судьбой. Особую роль играют воспоминания героини, в которых отражается не только ее жизнь в столице, но и жизненные ценности: «Там уж все другое; и люди не те, да и порядок совсем другой».

На подобном противопоставлении (тогда — теперь, там — здесь) будут основаны воспоминания Катерины Кабановой о жизни в родительском доме в драме «Гроза». Правда, «совсем другое», на чем акцентируют внимание героини, говорит о том, что для них является самым главным. Надю привлекает в той, столичной, жизни возможность общаться с племянницей барыни (они разговаривали «все больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах»), видеть, какие к ним господа ездят. Она с восторгом вспоминает, как у них «было убрано в комнатах», как вместе с барыней она ездила в Петергоф и на пароходе — в Царское Село. А воспоминания Катерины наполнены поэтичностью, духовностью, чувством собственного достоинства, не приемлющего формализма и ханжества.

Надя старается приобщиться к «другой» культуре, желая быть похожей на людей, которых она наблюдала в Москве и в Петербурге, видя, как отличаются их манеры, образ жизни, характер общения: «Ты знаешь, какие жены у наших чиновников, ну на что это похоже? Я в десять раз лучше их понимаю жизнь и обращение» (II, 170—171). Она готовит себя к будущей семейной

жизни. Вращаясь (благодаря своей благодетельнице) в дворянской среде, Надя другой жизни для себя не видит: «У меня теперь только одна и надежда — выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядок в доме заведу; у меня не хуже будет, чем у дворянки у какой-нибудь!» (II, 171). Поэтому она всячески старается себя «облагородить» и сохранить для будущего мужа.

Семейная тема — одна из важнейших и сквозных в творчестве драматурга. Герои его пьес стремятся создать семью, основанную на взаимном чувстве. В семьях, изображенных Островским, будут развиваться свои истории, происходят самые различные события, смешные и печальные, светлые и мрачные, герои будут переживать обиды, потрясения, радости, ссоры, примирение...

Русская культура основывалась на разграничении понятий добра и зла, красоты и безобразия и на вере в торжество нравственного начала и посрамление безнравственного. Эти свойства заложены и в драматургии Островского, и проявляются они в ненавязчивой форме, в утонченно разработанной интриге, ярких характерах, в которых отражается психологический склад нации, в выразительном языке, в мастерски разработанных диалогах, передающих индивидуальность персонажей и — в то же время — их типичность, что и создает особую картину мира.

Надя готовит себя к замужней жизни, понимая, как многое зависит от нее самой. Драматург показывает и заветные мечты героини, и ее чувство собственного достоинства. Она и в мыслях не допускает, чтобы рядом с ней оказался дурной человек: «Я, слава Богу, могу в людях разобрать, кто хорош, кто дурен. Это сейчас по обращению и по разговору видно. А вот барыня так напрасно это делают, что нас в такой строгости держат и беспрестанный присмотр за нами имеют. Мне даже обидно! Я такая девушка, что без всякого присмотра могу хорошо себя понимать». Поэтому она не может принять ухаживания Леонида, сына Уланбековой: «Что ж, конечно, он мальчик хорошенький, даже, можно сказать, красавец; только от меня ему ничего не дожидаться; потому что я совсем не таких правил и, напротив того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурного разговору не было. У меня только одно и на уме, что выйти замуж» (там же).

Но положение воспитанницы в доме Уланбековой мало чем отличается от положения крепостной. Рассказ Потапыча, человека из народа, впечатляет своей безыскусственностью, он просто передает без какой-либо оценки слова Уланбековой, поражающие своей жестокостью и цинизмом: «Вы, говорят, жили у меня в богатстве и в роскоши и ничего не делали; теперь ты выходишь за бедного, и живи всю жизнь в бедности, и работай, и свой долг исполняй. И позабудь, говорят, как ты у меня жила, потому что не для тебя я это делала, я себя только тешила, а ты не должна никогда об такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и из какого ты звания». Произнесенная как бы мимиходом реплика: «Мужья-то больше все разбойники попадаются» — вызывает тяжелое чувство. На воспитанниц Уланбековой все «льстятся», «потому что барыня сейчас свою протекцию оказывают» (II, 174).

Уланбекова, которая «смолоду привыкла», чтобы слушались каждого ее слова, и очень не любит, «когда рассуждают», решительно пресекает просьбу Нади пожалеть ее и не отдавать замуж за Неглигентова.

Надя показана в тот момент, когда она готова полюбить, но полюбить не конкретного, а абстрактного хорошего человека, в котором она увидит будущего мужа. Решение барыни выдать ее замуж за пьяницу Неглигентова

стало поворотным в развитии конфликта. Видя непреклонность благодетельницы, девушка решается на своеобразный протест: она идет на свидание с сыном барыни Леонидом.

Островский создает сцену, которая предваряет замечательную 2-ю сцену 3-го акта «Грозы», где драматург передает наполненную поэзией атмосферу во время свидания героев. Волнение Нади, желание как можно скорее встретиться с Леонидом: «Жду не дождусь ночи-то! Так, кажется, на крыльях бы к нему полетела. То одно держу в уме, что недаром я, по крайней мере, собой хороша, будет чем вспомнить молодость» (II, 192) — словно бы передадутся Катерине Кабановой, мечтающей стать вольной птицей. Однако существенная разница героинь состоит в том, что Катерина как личность сформировалась в условиях своей среды, народной культуры, православных традиций, тогда как Надя, не имеющая твердых нравственных убеждений, оказалась далека от подлинных культурных ценностей, которых ей не могли привить в доме Уланбековой. Она только-только начинает осознавать себя как личность, считая, что она «такой же человек, как и все люди», то есть как те барышни, которых она видела в столице. Поэтому снести унижения она может: «...как увидела я, что никакой мне воли, ни защиты нет, так отчаянность на меня, Лиза, напала. Куда страх, куда стыд девался — не знаю» (там же).

В финале пьесы соединяются драматическая и комедийная ситуации: Надю решено срочно выдать замуж за Неглигентова, а молодой барин, смешной и жалкий, спешно ретируется к соседям, где намеревается переждать грозу, разразившуюся дома. Надя с отчаянием говорит: «Ни помощников, ни заступников мне не надо! не надо! Не хватит моего терпения, так пруд-то у нас недалеко!» Заключительные слова пьесы: «Видно, правда пословица-то: кошке игрушки, а мышке слезки!» (II, 208) — воспринимаются как итог и как житейская формула, вытекающая из опыта народной жизни.

Все элементы драматического действия у Островского одухотворены и наполнены критическим отношением к негативным сторонам жизни, которые он видел и в деловой, и в семейно-бытовой сфере, и в купечестве, и в бюрократически-деловой среде, и в мире дворянства. В основе художественных поисков драматурга лежит стремление найти наиболее точный и выразительный прием, который даст театру возможность соединить слово, интонацию, жест с необходимым театральным реквизитом, верно исполненной декорацией, умело подобранной музыкой, что в конечном счете должно найти эмоциональный отклик у зрителя и перевести основные коллизии произведения на уровень глубочайших и серьезнейших проблем человеческого бытия.

Библиографический список

1. *Кашин Н. П.* Этюды об А. Н. Островском. М. : Типолитография т-ва «И. Н. Кушнеров и К^о», 1912. Т. 2. 421 с.
2. *Никитенко А. В.* Дневник. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 1. 590 с.
3. *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Искусство, 1973—1980. Т. 2. 808 с. ; Т. 10. 720 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.
4. *Поликарпов В. С.* История нравов России. Восток или Запад? Ростов н/Д : Феникс, 1995. 576 с.

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Проводится источниковедческий анализ мемуаров русских паломников в Палестину. Они были опубликованы в основном в «Епархиальных ведомостях» и содержат в себе ценную информацию о святых местах, которые паломники посетили, об их жизни и быте, деятельности на Ближнем Востоке Императорского православного Палестинского общества и острых противоречиях, существовавших в Палестине между православием и западными конфессиями (католицизмом и протестантством).

Ключевые слова: духовная пресса в России, православное паломничество, православное духовенство, общественные организации, Императорское православное Палестинское общество.

Source study analysis of the Russian Pilgrim memories is made. These sources were published mainly in «Eparchy bulletin». It contains valuable information about the Holy places, way of Pilgrims' life and activity of Imperial Orthodox Palestine Society at the Middle East. Also it keeps facts about contradictions between Orthodoxy and Western faiths (Catholicism and Protestantism).

Key words: Church press in Russia, Orthodox pilgrimage, the Orthodox clergy, civil society organizations, Imperial Orthodox Palestine Society.

Провинциальная духовная пресса — «Епархиальные ведомости» представляет собой наиболее ценный в своем разнообразии источник по дореволюционной истории Русской православной церкви. Здесь публиковались нормативные документы — определения Святейшего синода, решения духовных консисторий и епархиальных владык. «Епархиальные ведомости» также предоставляют в распоряжение исследователей значительный массив справочного материала — списки местных священнослужителей, учащихся духовных заведений, сведения о перемещениях и награждениях духовенства. Делопроизводственный материал на страницах провинциальных официозов представлен отчетами духовных учебных заведений, благотворительных структур, духовных общественных организаций — отделений Миссионерского общества, Императорского православного Палестинского общества (ИППО) и др. Как нам представляется, наиболее интересными материалами в этих повременных органах являются источники личного происхождения — мемуары и дневники. В них идет речь, помимо других тем, о поездках отдельных лиц и организованных групп богомольцев в Киев, в Троице-Сергиеву лавру, другие монастыри и святые места. Но наиболее любопытны и информативны паломнические мемуары о зарубежных поездках православных поклонников (такой термин до сих пор употребляется как синоним слова «паломники») в Палестину и на Афон.

На рубеже прошлого и позапрошлого столетий число паломников в Святую землю заметно увеличилось. Главной предпосылкой таких количественных

сдвигов стало появление в Палестине социально-культурной инфраструктуры, созданной за довольно короткий срок, — ИППО. Были построены гостиницы с номерами самых различных ценовых категорий, наняты кавасы (проводники), которые сопровождали караваны паломников, отправлявшиеся из Иерусалима в другие святые места.

Некоторые из православных поклонников, совершивших поездки на Ближний Восток, брались за перо. В связи с этим в конце XIX — начале XX в. на страницах «Епархиальных ведомостей» появляется целый ряд воспоминаний и дневников, отражавших впечатления от увиденного.

Для анализа такой информации нами были использованы источники, взятые из разных регионов. Так, в «Волинских епархиальных ведомостях» в 1874 г. были напечатаны путевые записки, автором которых был священник Никанор Карашевич. Это произведение интересно тем, что автор совершил поездку в Святую землю еще до того, как там возникли предназначенные для паломников учреждения Палестинского общества. Сравнивая записки Карашевича с теми, которые были написаны в более поздний период, можно убедиться в том, насколько улучшилось положение российских паломников за несколько десятилетий.

В «Орловских епархиальных ведомостях» в 1901 г. появились «Воспоминания о путешествии в Египет», автором которых был епископ Орловский Никанор. Он совершил это путешествие, еще когда не являлся церковным иерархом, посетив в Египте как христианские святыни, так и пирамиды.

В тех же «Епархиальных ведомостях» в 1913 г. были опубликованы «Впечатления палестинского паломника», автором которых был орловский протоиерей Михаил Вуколов. Отличительной особенностью его кратких мемуаров является весьма критический взгляд на реалии современной ему Палестины. Он больше говорит не о своих впечатлениях от посещения святых мест, а о проблемах паломников во время путешествий.

С 1909 по 1912 г. в «Костромских епархиальных ведомостях» с большими перерывами публиковался дневник Александра Касторского «Паломничество в Палестину и Афон». Автор совершил путешествие по этим святым местам в 1907 г., будучи студентом Казанской духовной академии.

Кроме того, нами для сравнения использованы воспоминания человека, который посетил Палестину не в качестве паломника. Это известный русский путешественник, военный врач Александр Васильевич Елисеев. В настоящей статье речь пойдет о его первом путешествии на Ближний Восток в 1881 г., когда он посетил Египет, Палестину и Сирию. К сожалению, обширное наследие А. В. Елисеева, в том числе эпистолярное, пока еще не получило должного признания. Достаточно сказать, что его путешествия даже не упомянуты в капитальной монографии о географических открытиях [7].

Прежде чем приступать к анализу вышеупомянутых нарративов, необходимо сделать несколько предварительных замечаний относительно стилистических особенностей паломнических мемуаров.

Для источников такого рода, создававшихся в течение первых пореформенных десятилетий, характерен архаический язык, насыщенный церковно-славянской лексикой. Это наглядно видно из текстов записок протоиерея Н. Карашевича. Свой дорожный саквояж автор именуется не иначе, как «путешественной сумой», Яффу он называет «предпутьем» Иерусалима и вместо того чтобы сказать, что пассажиры на пароходе улеглись спать, пишет, что «пловцы предались ночному покою» [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 723, 725;

№ 21, ч. неоф., с. 811]. Автор переходит на особенно торжественный тон, когда описывает главную христианскую святыню — храм Гроба Господня в Иерусалиме. Мысленно ведя читателя по этой святыне, автор руководит ими с помощью следующих речевых оборотов: «Внидем сперва в придел бичевания Господа нашего» [2, 1874, № 21, ч. неоф., с. 772].

По сравнению с записками Н. Карашевича впечатления доктора А. В. Елисеева, путешествовавшего по Палестине в 1880-х гг., изложены разговорным языком, образным и доходчивым; они читаются с большим интересом. Мемуары духовенства, созданные в начале XX в. (например, А. П. Касторским), также практически не содержат архаической лексики. Можно сделать обоснованное заключение, что лексика и стиливое оформление таких источников личного происхождения в значительной степени зависят не только от личностных особенностей автора, но и от его сословной и профессиональной принадлежности, от времени создания нарратива.

Впечатления русского паломника от поездки по Востоку в концентрированном виде отражает фраза, сказанная А. П. Касторским в его дневнике: «...не раз ловил себя с открытым ртом» [6, 1909, № 5, ч. неоф., с. 133]. Удивление, которые испытывали наши земляки, оказавшись в окружении очень необычной цивилизации, сквозит на страницах их мемуаров и дневников. А. В. Елисеев признавался, что Иерусалим произвел на него воздействие, не сравнимое с каким-либо другим городом: «...ни Карфаген, ни Троя, ни даже Рим и Афины, когда я их увидел впервые, не производили на меня такого сильного впечатления, какое произвела скромная и не поражающая глаз панорама Иерусалима» [4, с. 294]. Действительно, человеку, выросшему в России, было чему удивляться на Ближнем Востоке.

Главной целью православных паломников из России было посещение святых мест в Палестине. Однако впечатления от увиденного были различными. Протоиерей Н. Карашевич, судя по его запискам, был в восхищении от всего, что встречал на своем пути. Он не скрывает своего восторга от того, что не только посетил храм Гроба Господня в Иерусалиме, но и отправлял службу в нем по приглашению патриарха Иерусалимского. Мемуарист не пожалел нескольких десятков страниц для описания всех достопримечательностей храма [2, 1874, № 2, ч. неоф., с. 738; № 21, ч. неоф., с. 738—775].

Еще большее восхищение он испытал от Афона. Здесь священнику нравится все, начиная от монастырской гостиницы с окнами на море и заканчивая богослужением, которое, по его мнению, на Святой горе совершается даже с особым умилением и тожественностью. «Ах, как все это здесь прекрасно, благолепно, благоговейно!» — восклицает мемуарист, и его восхищение наверняка было вполне искренним. Слишком большое количество святых мощей, хранившихся в афонских монастырях, не вызвало у Н. Карашевича ни удивления, ни подозрения относительно их подлинности [2, 1874, № 22, ч. неоф., с. 821, 823]. Для сравнения отметим, что другого паломника — студента Казанской духовной академии А. П. Касторского явно смутило слишком большое число мощей и даже орудий страстей Христовых (например, гвоздей), которые хранились в местных монастырях; своей избыточностью они порождали сомнения в их подлинности [6, 1912, № 5, ч. неоф., с. 152].

Протоиерей из Орловской епархии М. Вуколов путешествие в Палестину совершил в 1912 г., т. е. сорок лет спустя после Н. Карашевича. Впечатления от тех же самых мест у него сложились иные. Он крайне разочарован тем, что храм Гроба Господня мал, темен и даже невзрачен. Как видно,

автор стесняется открыто критиковать главную христианскую святыню и применяет в мемуарах прием повествования от третьего лица, вкладывая свои слова в уста некоего «ученого путешественника», с которым он якобы беседовал. Сдержанность изменяет Вуколову, когда в его воспоминаниях заходит речь о гробнице Богородицы. Здесь он уже от своего лица заявляет: «Вторая святыня Иерусалима, место погребения Богоматери, еще менее блистает великолепием». Называя вещи своими именами, он говорит, что это «что-то похожее на большой подвал с большими дверями» [9, 1913, № 13, ч. неоф., с. 396, 398]. Основной причиной неудовлетворительного состояния величайших общехристианских святынь М. Вуколов считает противоречия между католиками, протестантами и православными.

Такой негативный тон воспоминаний М. Вуколова объясняется вовсе не тем, что за сорок лет, прошедших со времени путешествия Н. Карашевича, здания пришли в ветхость, дело в другом: за истекший между двумя паломничествами период произошли весьма серьезные изменения в менталитете людей. Разное восприятие одних и тех же святых мест объяснялось секуляризацией сознания, которая набирала силу в эпоху модернизации, этот процесс захватывал не только мирян, но и духовенство, отражаясь в мемуарах.

Среди путешественников-мирян, посещавших Святую землю, процесс секуляризации сознания развивался еще быстрее. Врач по профессии А. В. Елисеев, посетивший Палестину всего через десяток лет после Н. Карашевича, не смог скрыть своего возмущения от того, что он увидел в том же храме Гроба Господня. Его неприятно поразило отношение к величайшей святыне священников и монахов, обслуживавших храм, и больше всего — «меркантильное их обращение с паломниками, составляющими для них лишь доходную статью, небрежение к религиозному чувству этих последних» [4, с. 297].

Еще одно разочарование молодого путешественника ждало во время поездки на реку Иордан: «Перед нами катилась неширокая струйка мутновато-желтой воды... Первое впечатление, произведенное Евангельской рекой, не соответствовало моим ожиданиям. Вместо чистой кристальной струи, которой почему-то представлялся мне Иордан, я увидел небольшую мутную речонку в несколько сажен шириной» [4, с. 338]. В этой цитате указана и причина разочарования путешественника, она заключается в том, что его представление о реке, полученное при изучении Закона Божия в школе, совершенно не соответствовало ее реальному облику.

Большинство путешественников не ограничивались в Святой земле посещением общехристианских святынь. Круг интересов А. В. Елисеева, который не являлся паломником в полном смысле этого слова, был более широким. Он с интересом осмотрел и еврейскую святыню — Стену Плача, мечети Омара и Аль-Акса. В Александрии Елисеев посетил коптский храм [4, с. 141, 306, 308—310]. Коптская церковь в том же городе привлекла внимание епископа Никанора. В своих воспоминаниях он свидетельствует о крайней бедности этого храма, особенно по контрасту с местной католической церковью, которую он называет роскошной [9, 1901, № 17/18, ч. неоф., с. 681].

Как правило, авторы паломнических мемуаров были людьми любознательными. Поэтому они стремились осмотреть не только религиозные святыни, но и выдающиеся памятники культуры. Епископ Никанор в своих воспоминаниях о Египте особо отмечал поездку на осмотр пирамид. Пирамида Хеопса произвела на него впечатление своими размерами, и преосвященный

сделал относительно ее любопытное замечание: «Как величественна главная пирамида, я затрудняюсь сказать, но думаю, что храм Спасителя мог бы вместиться в ней удобно» [9, 1901, № 17/18, ч. неоф., с. 684—686]. С большим интересом и в подробностях будущий иерарх осмотрел музей египетских древностей. Относительно его богатств Никанор заявил, что вещи, запросто валявшиеся в музейном дворе, могли бы составить приобретение для любого европейского музея [9, 1901, № 17/18, ч. неоф., с. 687—688].

Что касается А. В. Елисеева, то число и разнообразие осмотренных им объектов было весьма велико. Неплохо разбираясь в археологии, он посетил древний некрополь в Иосафатовой долине, свел знакомство с французским археологом и востоковедом Ш.-С. Клермоном-Ганно, служившим во французской миссии в Иерусалиме. Кроме того, он ознакомился с училищами для арабских детей, содержащимися католиками и протестантами [4, с. 139, 295, 220—221].

Очень субъективны и в то же время не лишены интереса наблюдения и оценки А. В. Елисеева относительно главного водоема Святой земли — Мертвого моря. Ему почему-то пришло в голову выкупаться в нем, хотя местное население обычно остерегалось проделывать такие эксперименты. Естественно, на теле появился крайне неприятный жгучий осадок, оно нестерпимо чесалось. Пришлось выкупаться в Иордане, чтобы смыть с себя «соляные отложения». Вполне возможно, что некая обида на негостеприимный водоем заставила Елисеева собрать все негативные истории о Мертвом море. Здесь и «полное отсутствие жизни в его недрах, страшные соляные испарения и жгучие ветры», а также «частые землетрясения, бывающие в окрестностях». «Частые миражи на поверхности моря, — продолжает А. В. Елисеев, — подают повод к легендам о теньях погибших городов, восстающих над морем, а глухие удары тяжелых соленых волн, отражающихся в каменных, изрытых пустотами побережьях, порождают поверья о столах и воплях грешных людей, заключенных в каменные утесы» [4, с. 340—341]. Таким образом, в рассматриваемых мемуарах создан демонизированный образ озера, реально угрожающего людям, которые попытаются его побеспокоить.

Для многих паломников знаковыми событиями стали встречи с высшими иерархами восточных православных церквей. Протоиерей Никанор Карашевич был очень польщен самим фактом аудиенции, данной ему патриархом Иерусалимским Кириллом. Епископ Орловский Никанор пришел в полный восторг, когда Кирилл пригласил его провести совместную службу в храме Гроба Господня. Также владыка организовал караван для русских паломников на Иордан [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 737—738].

В отличие от восторженных отзывов Н. Карашевича, впечатления более внимательного и образованного путешественника А. В. Елисеева довольно сдержанны. Его принимал на Святой земле патриарх Иерусалимский Иерофей, по отзывам мемуариста, старец «нехитрый умом, но мягкий сердцем». В то же время Елисеев заметил, что он «добрый пастырь», не гордящийся своим высоким постом. Тот же мемуарист встречался в Александрии с патриархом Софронием, который принял Елисеева весьма ласково и обещал помочь с организацией его путешествия на Синай [4, с. 139, 298].

С тем же Софронием примерно в те же годы встречался будущий епископ Никанор. Гость из России был встречен запросто, владыка при этом не преминул показать ордена, порученные от русского императора. Судя по всему, эти награды составляли предмет немалой гордости патриарха. Никанору был подарен портрет патриарха с автографом, по распоряжению владыки ему показали местный храм [9, 1901, № 17/18, ч. неоф., с. 682].

В мемуарах, написанных в конце XIX — начале XX в., нередко встречаются упоминания о деятельности в Святой земле Императорского православного Палестинского общества. В более ранних паломнических записках речи о нем нет, т. к. организация была основана в 1882 г.

У А. П. Касторского информацию о Палестинском обществе мы находим в самом начале его дневника. Он в составе группы студентов Казанской духовной академии отбывал на Ближний Восток на пароходе «Россия», принадлежавшем Русскому обществу пароходства и торговли. Именно с этой компанией ИППО заключило соглашение о существенных скидках при доставке паломников в Яффу и Афон. Автор также сообщает, что на пристани в Одессе их провожал агент Палестинского общества М. И. Осипов, который вручил каждому отъезжавшему Евангелие [6, 1909, № 4, ч. неоф., с. 96].

Упоминает об этой организации в своих коротких записках о поездке в Палестину протоиерей М. Вуколов. Он говорит о том, что общество построило и содержало дешевые гостиницы для российских паломников. Главным делом ИППО на Святой земле, по мнению М. Вуколова, является открытие и содержание школ для местного арабского населения. Эта деятельность способствовала распространению православия и, в конечном итоге, укреплению позиций России на Ближнем Востоке [9, 1913, № 13, ч. неоф., с. 400].

Правда, из-за сопротивления противников православия не все инициативы Палестинского общества удавалось довести до конца. М. Вуколов сообщает, что во время путешествия на реку Иордан русские паломники не смогли найти подходящего места для купания в священной реке, т. к. весь берег был загажен скотом, а быстрое течение угрожало унести паломников. Возвратившись, орловские поклонники пожаловались на неудобства представителям ИППО. Те, в свою очередь, поведали паломникам о том, что неоднократно хлопотали перед турецкими властями об устройстве купальни на Иордане. Но католики и протестанты, узнав о замысле православных, принимали все возможные меры, чтобы помешать им, и постройка купальни так и не состоялась [9, 1913, № 13, ч. неоф., с. 396—397].

В книге А. В. Елисеева «По белу свету» раздел, посвященный Палестине, сопровождается рисунками русского художника А. Д. Кившенко, который известен своей картиной «Военный совет в Филях». Особый интерес для нас представляет помещенный здесь рисунок, изображающий кавасов (проводников) Палестинского общества. Он позволяет с точностью реконструировать их форменную одежду и снаряжение. Судя по карандашному рисунку А. Д. Кившенко, они были одеты в башмаки, гетры, широкие шаровары до колен, сюртуки с поясами, шапки-«таблетки». На рисунках у них на поясе имеются кинжал и кобура со старинным пистолетом, в руках — хлыст, чтобы отгонять собак и слишком навязчивых торговцев [4, с. 343, 362].

Путешествие поклонников в Святую землю до появления Палестинского общества сопровождалось многочисленными дорожными передрыгами. Это можно наглядно проследить по запискам Н. Карашевича.

Во-первых, оно было длительным и сопровождалось неоднократными пересадками. В Одессе паломники из России сели на русский пароход «Буг», который доставил их в Константинополь. В столице Турции паломникам пришлось пересаживаться на австрийский пароход, направлявшийся в Палестину. Обрато из Яффы они ехали также на австрийском пароходе. Автор специально упоминает, что в этом ближневосточном городе не было русского пароходного агентства, зато действовало аналогичное австрийское учреждение [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 726, 730—731; № 22, ч. неоф., с. 818].

Длительность пути значительно увеличивалась из-за того, что паломники не владели информацией о наиболее оптимальных схемах движения в Святую землю и на Афон. После пребывания в Палестине Н. Карашевич со своими спутниками направились на Святую гору. Они узнали, что должны выйти на берег в турецком городке Чинаколь и пересечь на другой пароход, ходивший между Константинополем и Афоном. При этом расписание этого маршрута паломникам было неизвестно. Оказалось, что это судно ушло на Святую гору за несколько часов до прибытия русских паломников, а по нужному маршруту оно курсировало только один раз в неделю. В результате незадачливые путешественники вынуждены были ожидать несколько дней в городе и изнывать от безделья. Из-за этого пришлось сократить срок пребывания на Афоне до трех дней [2, 1874, № 22, ч. неоф., с. 818—819, 840].

Во-вторых, путешествие представлялось довольно опасным. По свидетельству Н. Карашевича, паломникам при высадке с парохода в Яффе в условиях сильного волнения довелось столкнуться с большими проблемами. Не менее опасным было путешествие по грунтовой дороге от Яффы до Иерусалима, которое православные поклонники совершали без проводников, на свой страх и риск, останавливаясь ночевать в незнакомых местах [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 733—734]. Экскурсии из Иерусалима в Вифлеем, Назарет и другие святые места также часто предпринимались без проводников с риском заблудиться или наткнуться на воинственных бедуинов.

В-третьих, до 1880-х гг. путешествия были весьма затратными. Причиной этого были не только сравнительно высокие цены на пароходные билеты. Немало стоил заграничный паспорт, значительно облегчало кошелки русских паломников мздоимство турецких чиновников, жадность проводников, которые за любую мелочь требовали бакшиш.

В конце XIX в. произошли существенные положительные сдвиги в условиях совершения паломничества. Они были связаны с той деятельностью, которую развернуло Палестинское общество.

Поездка в Святую землю теперь могла стать менее длительной благодаря тому, что ИППО заключило договор с Русским обществом пароходства и торговли, суда которого стали доставлять паломников прямо в Яффу. Так, А. П. Касторский вспоминает, что он доехал от Одессы прямым сообщением до Палестины на отечественном пароходе «Россия», а в черноморском порту их провожал находившийся здесь постоянно агент Палестинского общества [6, 1909, № 4, ч. неоф., с. 96]. Этот функционер ИППО регулярно отправлял в редакции «Епархиальных ведомостей» информацию о расписании пароходов, отправлявшихся на Ближний Восток. Для удобства паломников на их страницах сообщалось даже о том, на какой пароход необходимо сесть, чтобы успеть в Святую землю на праздник Пасхи [3, 1895, № 3, ч. оф., с. 41; 10, 1898, № 4, ч. неоф., с. 7—9].

Деятельность Палестинского общества сделала путешествие на Ближний Восток менее рискованным. В Яффе перевозка пассажиров с пароходов на пристань осуществлялась под контролем представителей общества, пассажирам теперь не нужно было платить лодочникам, с последними рассчитывалось Палестинское общество. Паломнику для доставки с судна на берег нужно было только предъявить особую контрамарку ИППО [3, 1895, № 17, ч. неоф., с. 714]. Православные поклонники уже не путешествовали по Палестине на свой страх и риск в одиночку, работники Палестинского общества формировали из них караваны, которые сопровождали опытные проводники.

Заметно уменьшилась стоимость поездки в Святую землю. Достаточно сказать, что при предъявлении паломнической книжки Палестинского общества человек уплачивал за заграничный паспорт не 10 р., а всего 50 к., т. е. в 20 раз (!) меньше [10, 1898, № 4, ч. неоф., с. 7—9]. Общество через «Епархиальные ведомости» снабжало духовенство и мирян пошаговой информацией о паломничестве в Палестину и на Афон: о правилах поведения на пароходе, о стоимости размещения в русских гостиницах в Иерусалиме и других городах, о продовольственном обеспечении паломников в этих заведениях, о том, что необходимо взять с собой в путешествие и на чем можно существенно сэкономить. Такая инструкция, опубликованная в «Новгородских епархиальных ведомостях», заняла около 10 страниц [8, 1898, № 4, ч. неоф., с. 256—265]. Кроме того, охрана русских паломнических караванов проводниками ИППО избавляла богомольцев от постоянной уплаты бакшиша туркам и арабам.

В паломнических мемуарах можно найти сведения о руководителе Русской духовной миссии (РДМ) в Святой земле архимандрите Антонине (Капустине). Хотя он и не принадлежал к епископату РПЦ, но его можно с полным правом назвать одним из выдающихся деятелей церкви. Он с 1865 г. до своей смерти в 1894 г. возглавлял РДМ. Благодаря ему и его дипломатическим способностям были приобретены несколько участков земли в Палестине, на которых были построены храмы, гостиницы для паломников. Очень широкими были научные интересы о. Антонина в области археологии, археографии, нумизматики и других наук. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал о нем императору Александру III: «...Антонин — единственный энергичный деятель наш в Палестине из лиц, облеченных властью. Своими учреждениями в Палестине, церквами, странноприимными домами он сделал то, что русский человек в его приютах чувствует себя дома и Русская Церковь является в привлекательном благолепии» [1, с. 275, 277].

Во многих паломнических мемуарах архимандрит Антонин упоминается лишь вскользь, т. к. большинство паломников, в том числе из духовной среды, не встречались с ним или видели только издали. Вместе с тем они отмечали его заслуги в укреплении позиций России и Русской православной церкви в Палестине. Подробные сведения о нем приводятся в путевых записках А. В. Елисеева, который хотя и не являлся паломником, но был не рядовым посетителем Святой земли. Он во время пребывания здесь регулярно общался с начальником Духовной миссии. Можно предположить, что сближению этих двух людей способствовало их увлечение археологией.

Именно благодаря этой науке состоялась встреча руководителя РДМ и будущего маститого путешественника. Первое впечатление Елисеева от собеседника заключено во фразе: «Немощный телом, но сильный духом старец». А. В. Елисееву удалось быстро расположить к себе собеседника, и он показал свои богатые коллекции древностей, найденные во время раскопок в разных местах Палестины. Елисеев замечает, что из беседы вынес много нового об археологии Святой земли. Вечер своего второго дня пребывания Елисеев провел также в беседе с о. Антонином [4, с. 295, 304].

Последний стал проводником Елисеева и еще нескольких паломников во время импровизированной экскурсии по Иерусалиму и его окрестностям. О. Антонин и его спутники осмотрели грот Иеремии около Дамасских ворот города, а затем направились по Иосафатовой долине к так называемому Южному некрополю. Одна из больших гробниц этого захоронения незадолго перед этим была куплена о. Антонином. Здесь им было сделано несколько

важных находок. На горе Елеон архимандрит прочел своим спутникам настоящую лекцию о топографии древнего Иерусалима [4, с. 320].

Во время своих путешествий по Палестине А. В. Елисеев постоянно сталкивался со зримыми следами кипучей деятельности о. Антонина. Еще не будучи знакомым с ним, он остановился и заночевал в русской гостинице, которая была построена по указанию о. Антонина. Автор мемуаров говорит, что благодаря ему «наш поклонник стал находить себе пристанище и на берегу Иордана, и в Горней, и в фанатическом Хевроне, где еще сравнительно недавно наших паломников били палками» [4, с. 284].

Практически все авторы палестинских воспоминаний и дневников обращают внимание на усиливавшееся в конце XIX в. проникновение католицизма и лютеранства на Ближний Восток. С немалой тревогой А. В. Елисеев приводил факты настоящей западной экспансии в Святую землю. Он констатировал, что в плодородной Саронской долине около порта Яффа в начале 1880-х гг. во множестве стали оседать немцы, которые селились компактными колониями и занимались земледелием. В Иерусалиме на него произвела большое впечатление обширная австрийская гостиница для паломников, которая по уровню комфорта существенно превосходила те помещения, которые были построены для русских паломников [4, с. 321—322, 356].

Вторя А. В. Елисееву, протоиерей Карашевич признавал, что католики умели нужным образом подать свои религиозные и культурные ценности. В частности, посетив одно из наиболее почитаемых христианами мест — Гефсиманский сад, он убедился в том, что та часть его, которая принадлежала католикам, содержится очень аккуратно. Однако, не желая однозначно признавать преимущества чужой религии, мемуарист утверждает, что другая часть, принадлежавшая грекам, хотя и «содержится гораздо проще», но это «придает месту больше патриархальности и внушает историческую меланхоличность» [3, 1874, № 21, ч. неоф., с. 785—786].

Побывавший в храме Гроба Господня А. В. Елисеев был поражен религиозной рознью различных христианских исповеданий. Это очень огорчало также искренне верующих паломников, многие из которых всю свою сознательную жизнь стремились побывать в этом святом месте и испытывали от увиденного горькое разочарование [4, с. 301].

Большое смущение во время осмотра святых мест не раз испытывал А. П. Касторский. Например, в Дамаске ему показывали два различных места, в которых якобы с городской стены был спущен спасавшийся от врагов апостол Павел. Еще больший «соблазн» в известном смысле этого слова он испытал, когда в Назарете ему указали два различных места, в которых произошло Благовещение Богоматери. Одно из этих мест принадлежало католикам, а другое православным [6, 1911, № 18, ч. неоф., с. 557; № 20, с. 623].

А. П. Касторский, будучи представителем духовного сословия, как видно, не имел желания дальше развивать мысли, которые посетили его после этих неприятных эпизодов паломничества. Что касается путешественника-мирянина А. В. Елисеева, то по аналогичным поводам он прямо называет вещи своими именами: «Вообще, латиняне — мастера фальсифицировать разные события Евангельской и Библейской истории, подгоняя их к местам и урочищам, приобретенным католическими монахами» [4, с. 313].

В своих записках Елисеев указывал и на причины успехов инославной экспансии на Востоке. Он внимательно осмотрел два училища, организованных лютеранами в Иерусалиме для арабских детей. Одно предназначалось

для девочек и давало общее образование. Во втором мальчики овладевали гончарным, кузнечным, столярным, сапожным и другими ремеслами. Впечатления от этих образовательных учреждений мемуарист сформулировал так: «Оба эти протестантские учреждения служат лучшей пропагандой протестантства, приобретающего гораздо больше сторонников, чем все лютеранские миссионеры. Глядя на сотню обучающихся в различных католических и протестантских учреждениях арабских мальчиков и девочек и сотни больных туземцев, призреваемых в... госпиталях, я понял, чем сильны латинская и протестантская пропаганда и отчего они ежегодно приобретают сотни прозелитов среди не только магометан, но и православных туземцев Палестины» [4, с. 322].

Именно инославная пропаганда заставила Палестинское общество начать свою работу с открытия школ для местных православных арабов, чтобы предотвратить католическое и лютеранское влияние на них. К 1914 г. в Палестине и Сирии было уже около 100 школ и 2 учительские семинарии, готовившие для них педагогические кадры [5, с. 24].

Повседневная жизнь паломников также получила свое отражение на страницах мемуаров. Как правило, большинство из них были жителями внутренних губерний России, ни разу не видевшими моря, поэтому встреча с ним производила большое впечатление. Об этом свидетельствует в своих заметках Н. Карашевич, у которого бескрайний морской простор вызвал смешанные чувства: с одной стороны, восхищение, а с другой — обоснованные опасения, тем более что накануне поездки его напугали тем, что весной и осенью море особенно беспокойно [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 723].

Дурные предчувствия не обманули волынского протоиерея. Во время путешествия он сильно ослаб, потерял аппетит и не ел два дня. К счастью, судьба послала ему афонского монаха, который ухаживал за о. Никанором, слегшим от морской болезни [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 725]. Епископ Орловский Никанор в воспоминаниях о путешествии в святые места Египта также упоминает о приключившейся с ним беде, употребив для этого эвфемизм: «...пришлось невольно отдать дань морю» [9, 1901, № 17/18, ч. неоф., с. 676].

Многие паломники почему-то нерасчетливо выбирали для путешествия в Святую землю летнее время и, естественно, сильно страдали от жары, совершенно непривычной для обитателей полосы умеренного климата. Протоиерей Михаил Вуколов предупреждает намеревающихся отправиться на Ближний Восток, что «паломничество в Палестину сопряжено с немалыми трудностями: приходится испытывать много лишений, скорбей и неприятностей... жара стоит гнетущая, особенно для старых и слабых здоровьем. Последним часто не до наблюдений и молитвенных подвигов: рад бываешь месту, чтобы отдохнуть и прийти в себя» [9, 1913, № 13, ч. неоф., с. 400]. В дневнике А. П. Касторского жалобы на непривычный климат также встречаются нередко. Он свидетельствует, что у путешественников кровь прилиwała к голове, трескалась кожа на руках. В концентрированном виде эти впечатления изложены в короткой фразе: «Солнце палило немилосердно» [6, 1911, № 2, ч. неоф., с. 741; № 21, ч. неоф., с. 649, 652].

Большинство наших земляков были не в восторге от восточного гостеприимства. Во время приемов в Палестине и даже у патриарха Иерусалимского паломников угощали только кофе и гликоварением с холодной водой. Аналогичный стол был предложен в афонских монастырях. Кроме того, упомянутый только что иерарх дал на прощание русским священникам, в числе которых был протоиерей Карашевич, «сухие плоды» (вероятно, что-то вроде

сухофруктов для компота) [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 738; № 22, ч. неоф., с. 824]. В связи с этим паломники не могли не вспомнить обильные и разнообразные обеды, которыми потчевали гостей в русских монастырях.

Культурный шок испытал А. П. Касторский в одном из афонских монастыре. Здесь ему был предложен более обильный, чем где либо, но очень необычный обед. В числе блюд была каша, заправленная оливковым маслом с «октоподами», которых паломники увидели в первый раз в жизни [6, 1912, № 5, ч. неоф., с. 149]. Последнее слова автор дневника поясняет как «морские чудовища с 8 ногами». Он ни разу не употребил привычного для нас слова, но из текста ясно, что это были осьминоги.

Только в постоянных дворах, организованных руководителем Русской духовной миссии архимандритом о. Антонином, а затем — Палестинским обществом, паломники могли выпить чаю из русского самовара. А. В. Елисеев отмечал, что он только после этого смог почувствовать себя как на родной земле. Он особо отмечает радость паломников от «неприхотливой русской трапезы». Например, в русском подворье в Хевроне ему даже подали яичницу с черным хлебом [4, с. 283, 335].

Необычными и неудобными для наших соотечественников представлялись способы передвижения паломников по Святой земле и Афону. Карашевич вспоминает, что некоторые путешествия приходилось совершать пешком, как, например, от Иерусалима до Вифлеема [2, 1874, № 22, ч. неоф., с. 812]. На более дальние расстояния передвигались на ослах, к которым русские путешественники были непривычны. А. П. Касторский, говоря о своем опыте, констатировал: «Ослики то и дело спотыкались о камни и нередко роняли седоков» [6, 1911, № 22, с. 689]. Жалобы на гористые и не лучшие по качеству дороги, особенно от портового города Яффы до Иерусалима, часто встречаются в паломнических мемуарах [5, с. 352; 2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 734]. Однако в 1892 г. была построена железная дорога между двумя городами, что сделало путешествия паломников более быстрыми и безопасными.

Общим почти для всех паломников-мемуаристов является то, что положительные впечатления у них все же преобладали. Это более чем естественно, т. к. они посещали святые места, о встрече с которыми давно мечтали. Вместе с тем авторы не скрывают своих отрицательных эмоций, которые были порождены чуждым менталитетом, культурой, вероисповеданием. В источниках личного происхождения незримо, но явственно присутствует категория «чужого», которое противостоит авторам, имеет иные ценности и поведенческие стереотипы. В частности, наших земляков особенно возмущало взяточничество восточных чиновников. А. В. Елисеев вспоминает о том, как по прибытии в Александрию их атаковали таможенники, которые не хотели впускать их в страну и выдавать им багаж без уплаты бакшиша. Помогла решительность русских путешественников: они буквально силой отняли у мздоимцев багаж и вынесли его из таможни [4, с. 138].

Слово «бакшиш» встречается практически во всех паломнических мемуарах. Одни его переводят как «взятка», но, на наш взгляд, наиболее удачное объяснение этого во многом универсального слова дал А. П. Касторский, который считал, что русским аналогом являются слова «на чай» [6, 1911, № 22, ч. неоф., с. 690].

Злоключения Елисеева в Александрии не закончились конфликтом в таможне. Едва он вышел оттуда, как «какой-то оборванец» схватил его багаж, потащил его владельца за собой, и, не слушая возражений, усадил на осла.

К счастью, попутчик Елисеева был достаточно опытным человеком, он сумел освободить его из рук погонщика и усадил в фэтон, который благополучно доставил их по месту назначения [4, с. 138].

О том, что русские паломники оказывались почти беспомощными перед «агрессивным сервисом», характерным для Востока, говорят и мемуары Н. Карашевича. В Яффе пассажиры парохода долго не решались сойти на берег из-за сильного волнения на море. Однако вскоре за ними прибыло несколько лодок с арабами, которые помимо воли спустили пассажиров в свои утлые суденышки и с риском для жизни доставили на берег, при этом с громким криком и руганью требовали с них немалый бакшиш за свои непрошенные услуги [2, 1874, № 20, ч. неоф., с. 733].

Елисеев совершенно справедливо замечал, что «всесильный бакшиш открывает почти все двери на Востоке» и приводил в пример произошедший с ним случай: мусульмане сначала категорически не хотели пускать его в помещение, где, по преданию, состоялась Тайная Вечеря, но после получения денег на все согласились. Аналогичным образом Н. Карашевичу и его спутникам пришлось заплатить некую сумму за осмотр прудов царя Соломона, которые охраняли арабы, потребовавшие с русских путешественников все тот же бакшиш [4, с. 305; 2, 1874, № 22, ч. неоф., с. 816].

Следует подчеркнуть большую практическую ценность рассмотренных нами мемуаров для тех, кто только собирался совершить поездку на Восток. В путевых записках не только говорилось о христианских святынях, но и давались конкретные советы будущим паломникам по организационным и финансовым проблемам. В одних источниках такие рекомендации отличаются краткостью. Например, протоиерей М. Вуколов ограничивается только советом не ездить в Палестину в то время, в которое он сам попал туда, т. е. летом, и в качестве наиболее подходящего времени указывает раннюю осень, когда и жара спадает, и паломников мало [9, 1913, № 13, ч. неоф., с. 400].

Зато практическая часть мемуаров Н. Карашевича исключительно разнообразна и информативна. Она представляет собой приложения к тексту мемуаров. Одно из них называется «О безопасности путешествия по св. Земле». В нем говорится, что спокойствие путешественников в значительной степени зависит от отношений России и Турции, владеющей Палестиной, и от состояния дороги от Яффы до Иерусалима.

Другое, более обширное приложение носит самый приземленный характер и называется «О количестве денежного и продовольственного содержания, необходимого для путешествия по св. местам Востока». Здесь протоиерей Карашевич констатирует, что в широких религиозных кругах в России существует искаженное представление о стоимости путешествия в Палестину и на Афон. Его считают очень затратным и недоступным для человека небогатого, тем более для крестьянина.

Опровергая расхожее мнение, автор приводит подробную калькуляцию своих трат, начиная от цены пароходных билетов и заканчивая стоимостью найма ослов для путешествия по Палестине. Протоиерей Н. Карашевич пишет, что из дома взял 115 р. и израсходовал из них только 90 р. Кроме того, он указывает, сколько прихватил из дома хлеба, чая и сахара. Заграничный паспорт обошелся ему в 2 р. 20 к., палубный билет до Константинополя — 3 р., а затем до Яффы — еще 11 р. Автор считает, что «для бедного простолюдья» вполне достаточно накопить на паломничество 70 р. [2, 1874, № 22, ч. неоф., с. 851—854].

При оценке русских мемуаров и дневников, принадлежавших перу путешествовавших по святым местам Востока, у исследователя возникает ассоциация с таким комплексом источников, как создававшиеся в XV—XVII веках «записки» иностранцев о России. Характерной чертой этих нарративов было ярко выраженное негативное отношение к той стране, в которую они приехали. Московиты в глазах западных гостей выглядели как варвары, этот взгляд объяснялся языковой изоляцией авторов, их незнанием культуры и религии России. Разумеется, русские путешественники, отправлявшиеся на рубеже XIX и XX вв. в Палестину, были настроены по отношению к этой земле совершенно по-иному, т. к. они давно стремились попасть туда, но образ «другого» (или «чужого») в отношении проживавших там народов незримо присутствовал на страницах их воспоминаний и дневников.

Показ чужой страны в паломнических мемуарах, как и в других источниках личного происхождения, осуществляется через призму той системы ценностей, которая была характерна для российской цивилизации, ее культуры и религии. Вполне естественно, что впечатления авторов выглядят противоречивыми. Разумеется, положительные эмоции преобладают, т. к. они прикоснулись к тем святыням, к которым стремились долгие годы.

Особенность паломнических мемуаров состоит в том, что их авторами были не праздные путешественники, а люди религиозные, отправившиеся в путь для того, чтобы поклониться христианским святыням. Нужно учитывать и то, что большинство из них принадлежало к сословию духовенства. Они воспринимали существовавший в Святой земле религиозный антагонизм более остро, чем миряне. В воспоминаниях и дневниках явно заметно неприятие не только иноверного ислама, но и инославных исповеданий — католицизма и лютеранства. Последние два воспринимались мемуаристами как реальные конкуренты православия в смысле влияния на местное население.

Рассматриваемые нами источники личного происхождения ценны еще тем, что они позволяют составить рельефное представление о тех позициях, которые занимало православие на Ближнем Востоке. В этом отношении паломнические и иные мемуары очень важны, потому что в них на основе личных впечатлений рассматривается деятельность двух важных структур, которые являлись проводниками российской политики в этом регионе — Палестинского общества и Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Дальнейший поиск в местной повременной печати источников личного происхождения, подобных проанализированным нами мемуарам и дневникам Н. Карашевича, А. Касторского, М. Вуколова и других, позволит расширить наше представление о внешнеполитических и религиозных усилиях России на Ближнем Востоке, а также о таком интересном феномене, как православное паломничество.

Библиографический список

1. *Бутова Р. Б.* Записка архимандрита Антонина (Капустина) по делу Русской духовной миссии в Иерусалиме (1880) // Православный Палестинский сборник. М. : Изд-во Олега Абышко, 2008. Вып. 106. С. 273—288.
2. Вольнские епархиальные ведомости.
3. Вятские епархиальные ведомости.
4. *Елисеев А. В.* По белу свету : очерки и картины путешествий по трем частям Старого Света : в 4 т. СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1915. Т. 1. 364 с.

5. Задачи Императорского православного Палестинского общества на Святой земле // Сохраним Россию в Святой земле : летопись Императорского православного Палестинского общества, 2007—2012. Иерусалим, 2012. С. 21—28.
6. Костромские епархиальные ведомости.
7. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М. : Просвещение, 1967. 714 с.
8. Новгородские епархиальные ведомости.
9. Орловские епархиальные ведомости.
10. Рязанские епархиальные ведомости.

ББК 63.3(2)611-201

Ю. А. Ильин

ДИНАМИКА ИЗОЦЕН НА МЕЛКОТОВАРНОМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ РЫНКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (весна 1917 г. — весна 1918 г.)

Раскрывается динамика цен на ржаную муку (фактически всеобщий эквивалент товаров в 1917—1918 г.) по губерниям европейской части России. Составлена изоценовая картина движения цен по регионам на 1 июня и 1 сентября 1917 г., середину мая 1918 г. Обозначена рыночная подоплека событий Февральской и Октябрьской революций и периода кануна широкомасштабной гражданской войны и интервенции.

Ключевые слова: эквивалент товаров, рынок продовольствия, регулирование рынка цен.

The author reveals the dynamics of prices for rye flour (in fact, a universal equivalent for goods in 1917—1918) for provinces of European Russia. The author creates a graphic prices picture of prices movement by regions of European Russia on June 1, 1917, September 1, 1917, the middle of May 1918. It clarifies the market background of the events of February and October Revolutions and the period before the large-scale civil war and intervention.

Key words: universal equivalent for goods, food market, price market regulation.

Известно, что в апреле — мае 1918 г. наблюдался резкий спад поставок продовольствия населению голодающих губерний Центральной России. Это обстоятельство сыграло роль катализатора перехода советской власти от полумер демократического характера к режиму продовольственной диктатуры, положившей начало политике военного коммунизма. Можно, конечно, назвать среди причин чрезмерного радикализма правящего режима «парад продовольственных суверенитетов» отдельных губерний, уездов и даже волостей, общее расстройство железнодорожного транспорта, неповоротливость заготовительного механизма крупнейших продовольственных организаций, курируемых государством; наконец, резко ухудшившаяся политическая ситуация в стране в связи с началом Гражданской войны. Но, на наш взгляд, главной причиной, предопределившей крах продовольственной политики

государства и обрешей потребляющие регионы страны на голод в весенние месяцы 1918 г., была ответная реакция мелкотоварного крестьянского рынка, спонтанно переведшая товарообменные операции советской власти в форму обычной свободной торговли. Безжалостным и убийственным был приговор, вынесенный автором, исследовавшим ответы с мест на вопросы анкеты Центросоюза о результативности продовольственной политики правительства весной 1918 г.: «...разгул “вольной” торговли в самой хищнической, убыточной для потребителя и народного хозяйства форме при полном банкротстве официальной продовольственной организации... монополия существует только на бумаге... Твердые цены частично существуют лишь в некоторых крупных городских центрах. В деревне и в уездных городах — преобладают в самых нездоровых формах “вольная” торговля... Твердые цены дышат на ладан и поддерживаются впрыскиванием красногвардейской камфары искусственным дыханием продовольственно-реквизиционных отрядов, добывающих народное хозяйство... препятствия к развитию свободной торговли продолжают существовать... убивая наиболее здоровые формы обмена, преграждая дорогу инициативе организованного потребителя — демократа. Выживает лишь мелкий спекулятивный вольно-меновый торг и мешочничество...»¹

Как это случилось, в чем причина удивительной выживаемости мелкотоварного крестьянского рынка в тех условиях? Ответ кроется в анализе целостного и динамичного представления о системе частного товарооборота между городом и деревней в те месяцы. Для этого необходимо обратиться к показателю цены на определенный товар в центральных губерниях Европейской России за период весны 1917 г. — весны 1918 г.

Учитывая специфику используемого нами статистического материала — «вольные» цены на определенный товар, прибегнем для наглядности к построению графиков амплитуд изоцен (изоцены — графические линии, соединяющие точки поверхности губерний, уездов, волостей, имеющие одинаковые рыночные цены на определенный продукт). В данном случае воспользуемся рыночными ценами на ржаную муку, игравшую роль всеобщего товарного эквивалента в вольно-меновый торговле, по состоянию на 1 июня, 1 сентября 1917 г. и на первую половину мая 1918 г.

Из графика² на рис. 1 видно, что к середине 1917 г. в России, по крайней мере в ее европейской части, существовала и функционировала вполне приспособившаяся к условиям войны модель продовольственного рынка. Основной театр военных действий на Восточном фронте, закрытие морских границ, потребительский характер прифронтовых местностей, высокая густонаселенность последних — все эти факторы превратили Озерный, центрально-промышленные и северные районы страны в основной центр потребления сельскохозяйственной продукции, диктовавший спрос на продовольствие.

По мере удаления от этих территорий в южном и юго-восточном направлениях влияние диктующего центра потребления уменьшается на конъюнктуру рыночных цен продуктов питания. Процесс этот идет постепенно и равномерно, расходясь территориально-концентрическими кругами. Регион Нижней Волги являлся зоной наиболее низких цен, но еще сохранялась единая продовольственная рыночная система России.

К июню 1917 г. уже наметилась тенденция раскола на зоны — потребительскую и производящую — со своими подходами к процессу складывания конъюнктуры цен на продовольствие и соответственно формирования механизма функционирования торговых связей на «вольном» рынке.

Рис. 1. Средние изоцены ржаной муки на 1 июня 1917 г. (в руб. за пуд)

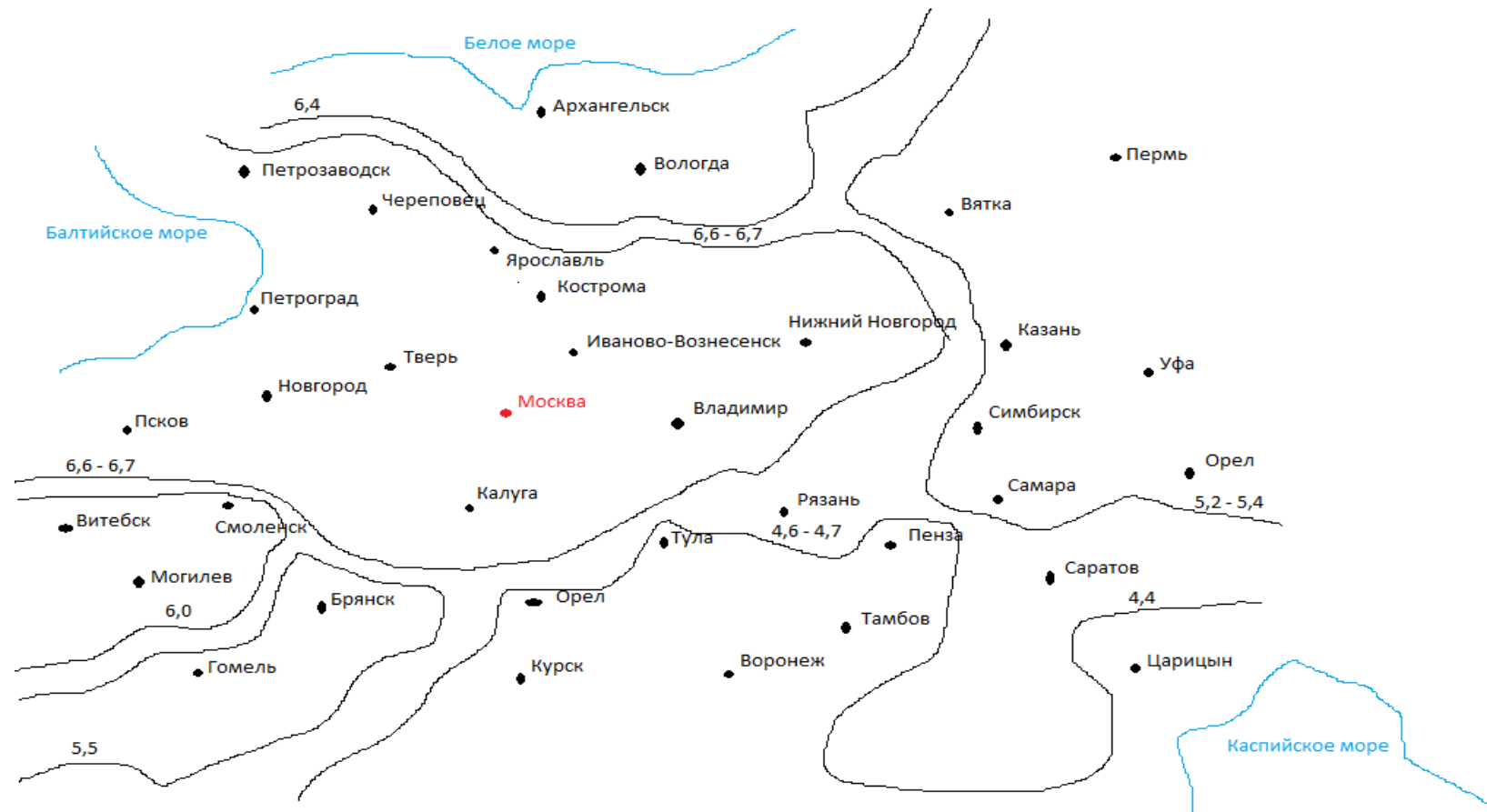

Рис. 2. Средние изокосты ржаной муки на 1 сентября 1917 г. (в руб. за пуд)

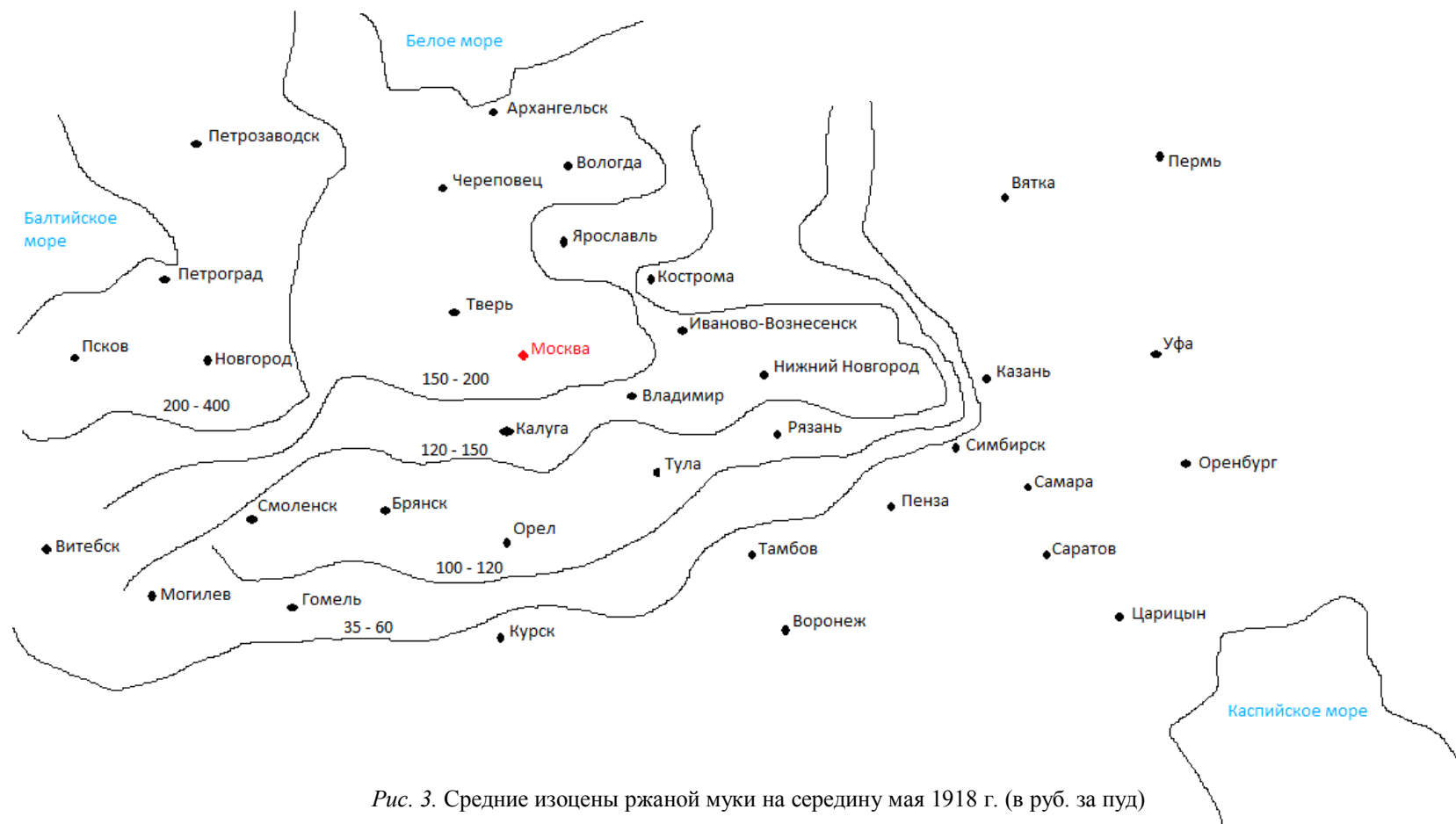

Рис. 3. Средние изокосты ржаной муки на середину мая 1918 г. (в руб. за пуд)

К осени 1917 г. уже яснее различаются контуры водораздела рыночных зон на потребительскую и производящую (см. рис. 2)³. Военные события лета 1917 г., внутривластительская ситуация в июле — августе 1918 г., удвоение твердых хлебных цен и ужесточенные подходы Временного правительства в решении продовольственного вопроса — все эти факторы интенсивно вели к расколу прежде единой рыночной системы страны. Это время ликвидации единой амплитуды изоцен (Север — граница промышленного и черноземного центров — западные районы). Данные территории попали в сферу влияния потребляющей, производящей и «буферной» зон мелкотоварного крестьянского рынка продовольствия (в нашем случае — ржаной муки). Это время прямого противостояния (на границе промышленного центра — черноземного края — Среднего Поволжья) двух подходов к разрешению продовольственного вопроса (потребительский рынок, находящийся под жестким контролем пролетарского государства, и мелкотоварный крестьянский рынок со свободной игрой цен на продукты питания и товары широкого потребления), грозившего началом «хлебной войны».

Идет стягивание сил указанных зон: в сферу государственно-регулируемого рынка включаются все потребляющие районы — озерный край, Север, промышленный центр страны; в сферу «вольного» рынка — черноземный центр, Нижняя и Средняя Волга, вятский край, Прикамье и Приуралье. Острие этого противостояния — черноземный центр и пензенско-саратовский край. Забегая вперед, отметим, что именно в этих районах, отягощенных к тому же земельной неустроенностью и засильем помещичьего землевладения, «хлебная война» в сентябре — октябре 1917 г. приобретает характер крестьянского восстания, по сути означавшего начало народно-демократической революции в стране (так называемый «крестьянский Сентябрь»).

График⁴ на рис. 3 показывает, что к середине мая 1918 г. налицо две оформившиеся системы продовольственных рыночных отношений. Система рыночных отношений потребительской зоны успешно адаптировалась к послеоктябрьским условиям хозяйствования и вновь приобрела все очевидные черты, свойственные дореволюционному зрелому механизму функционирования торговых связей между городом и деревней. Это веерообразующие концентрические круги изоцен, исходящие от диктующего центра потребления — петроградского экономического района — в сторону хлебных регионов юга и юго-востока страны (одно лишь уточнение: движение изоцен ржаной муки ограничивалось пространством центрально-промышленного района). Действие последних при приближении к границам черноземного центра, пензенского края, Поволжья, вятского края нейтрализовывалось влиянием изоцен другой системы — рыночной системы производящей зоны. Та же, в отличие от графика средних изоцен на 1 сентября 1917 г., представляла собой обширный пространственный массив с единой рыночной конъюнктурой цен на ржаную муку.

Веерообразный разброс амплитуд изоцен на ржаную муку в рамках центрально-промышленного района говорит о том, что к середине мая 1918 г. регулятивные функции государства в отношении продовольственного рынка ослабли (при параллельном процессе успешной адаптации вольного рынка к существовавшим условиям хозяйствования). Это привело к торжеству «вольного» рыночного механизма формирования цен на данной территории. Государство проиграло битву за продовольственный рынок на данном этапе истории: кампании шумные, декларативные и кратковременные («красногвардейские атаки» на мелкотоварную спекулятивную торговлю, кампании по проведению коллективного, регионального и государственного товарообмена) не

дали ожидаемых результатов и лишь усугубили положение с продовольствием в стране. Создавшиеся лакуны в деле снабжения населения продовольствием с успехом заполнялись товарооборотом мелкотоварного потребительского рынка, последний усиленно развивался вглубь и вширь.

А производящая зона рынка уже вступила в стадию наивысшего развития торговых связей на принципах вольного ценообразования, добиваясь органического единства цен на продукты питания (в нашем случае — ржаная мука). Авангарды противостоящих рыночных систем сошлись на границах пензенского края и Среднего Поволжья. Напомним, что именно здесь произошла вспышка вооруженного конфликта между чехословацким корпусом и советской властью, приведшая к широкомасштабной гражданской войне.

Приведенные графики позволяют, помимо решения специальных задач, заполнить пробелы в вопросе динамики рыночных цен по отдельным местностям в определенные временные периоды, а также вникнуть в глубинные причины начавшейся Гражданской войны. Графики на рис. 2 и 3 помогают понять исходящую и завершающую стадии развития вольного рынка за период установления советской власти в стране (осень 1917 г. — весна 1918 г.).

Примечания

- ¹ К. П. Вольная и меновая торговля // Союз потребителей. М., 1918. № 15. С. 14.
- ² Статистические материалы для построения графика взяты из журнала: Союз потребителей. М., 1918. № 3/4. С. 16.
- ³ Статистические материалы для построения графика взяты из журнала: Продовольственное дело. М., 1918. № 3/4. С. 26.
- ⁴ Статистические материалы для построения графика взяты из журналов: Продовольственное дело. Тверь, 1918. № 26. С. 7; Продовольственное дело. М., 1918. № 16. С. 19; № 19. С. 10; № 20. С. 4—5; № 22. С. 27.

ББК 63.442.14(2)

Е. Л. Костылёва, А. Ю. Тарасов, А. В. Уткин

ИМПОРТНЫЕ ОРУДИЯ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА ИЗ РАСКОПОК САХТЫШСКИХ СТОЯНОК: СТРАТИГРАФИЯ, ПЛАНИГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ

На памятниках Сахтыш I, II, IIa (2A), VIII в ходе раскопок было найдено около 30 орудий русско-карельского типа, изготовленных из карельского метатуйфа. Они появляются на сахтышских поселениях на заключительном этапе развития волосовской культуры — около 4200—3820 л. н. (ок. 2750—2300 кал. лет до н. э.) и являются результатом импорта с территории современной Карелии.

Ключевые слова: энеолит, поселения Сахтыш I, II, IIa / 2A, VIII, волосовская культура, орудия русско-карельского типа.

There were found about 30 tools of Russian-Karelian type during excavation of settlements Sakhtysh I, II, IIa (2A), VIII. They were made of Karelian metatuf. They appear at Sakhtysh settlements at the final stage of development of Volosovo culture — about 4200—3820 years BP (с. 2750—2300 cal. BC) and are the result of import from the territory of modern Karelia.

Key words: Eneolithic, settlements Sakhtysh I, II, IIa / 2A, VIII, Volosovo culture, tools of Russian-Karelian type.

© Костылёва Е. Л., Тарасов А. Ю., Уткин А. В., 2014

• Серия «Гуманитарные науки»

При истоке из древнего озера Сахтыш р. Койки (Тейковский р-н Ивановской области) находятся 15 памятников археологии, которые исследовались с небольшими перерывами на протяжении четырех десятилетий (1962—2006 гг.)¹. Материалы раскопок частично опубликованы в отдельных статьях и монографиях, число которых насчитывает около восьми десятков. Однако большая часть коллекций еще ждет своего изучения².

Среди находок, обнаруженных в ходе раскопок, присутствуют и изделия, попавшие в регион из весьма удаленных территорий. Прежде всего, это связанные с волосовской энеолитической культурой — восточно-прибалтийские янтарные украшения, а также рубящие орудия, за которыми в отечественной литературе закрепилось название орудий «русско-карельского типа» (далее — РКТ). Этот термин впервые был предложен в 1909 г. Ю. Айлио [14, с. 26]. В российской археологии, благодаря работам А. Я. Брюсова [2, 3, 4], его стали применять к топорам и тёслам, имеющим «трапециевидное поперечное сечение и две резко выраженные, сближающиеся сверху боковые грани на лицевой стороне» [3, с. 16]. Впоследствии РКТ выделяли все российские исследователи, работавшие с материалами каменного века в Карелии и предлагавшие типологии карельских макроформ [5, с. 32—38; 11, с. 6; 12, с. 32].

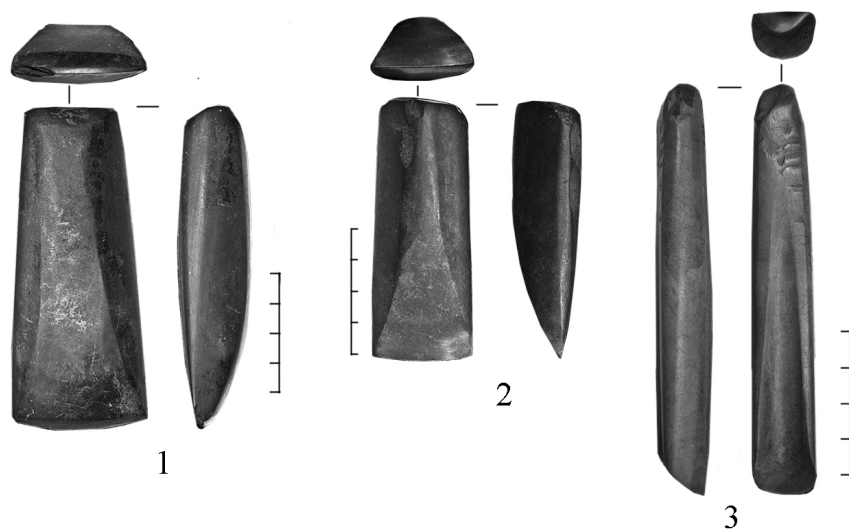

Рис. 1. Импортные орудия русско-карельского типа из метабазита:
1 — Сахтыш II — раскопки 1978 г.; 2, 3 — Сахтыш VIII — раскопки 1977 г.
(фото А. Ю. Тарасова в обработке Е. Л. Костылёвой)

¹ Разведочные работы на первом открытом памятнике — «Малый островок» (Сахтыш I) были проведены еще в 1930 г. В. И. Смирновым, а затем в 1959 г. Е. Н. Ерофеевой. В 1967—1969, 1983 гг. работы на Сахтышских стоянках не проводились.

² Коллекции из раскопок Сахтышских стоянок хранятся в Ивановском государственном историко-краеведческом музее, Археологическом музее Ивановского государственного университета и небольшая часть — в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Плещском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Александровская слобода».

В ходе непосредственного знакомства с сахтышскими коллекциями, хранящимися в археологическом музее Ивановского государственного университета, было выявлено 18 несомненных изделий РКТ, изготовленных из материала, который визуально соответствует карельскому метатифу серо-зеленого цвета (рис. 1). Они происходят из раскопок стоянок: Сахтыш I в 1971 г. (1 экз.), Сахтыш II в 1964, 1978, 1985, 1987 и 2001 гг. (7 экз.), Сахтыш Па / 2А в 1989 г. (1 экз.) и Сахтыш VIII в 1965, 1973—1977 гг. (9 экз.). Еще 12 предметов были определены при просмотре коллекционных описей и дневниковых записей для тех частей коллекций, которые не находятся на хранении в Ивановском государственном университете. Они также были найдены на стоянках Сахтыш I в 1962, 1970 и 1971 гг. (3 экз.), Сахтыш II в 1963, 1964 и 1984 гг. (7 экз.), Сахтыш Па в 1990 г. (1 экз.) и Сахтыш VIII в 1978 г. (1 экз.). По всем признакам эти предметы также соответствуют РКТ, однако сохраняется вероятность ошибочного определения.

Проведенный технико-морфологический анализ этой серии орудий РКТ, а также отходов производства с Сахтышских стоянок свидетельствует о том, что они были импортированы с территории Карелии³. На Сахтышских стоянках отсутствует соответствующий технологический контекст, связанный с изготовлением орудий, представлен только контекст их использования. Достаточно крупный центр по изготовлению подобных орудий существовал в энеолите на западном побережье Онежского озера, откуда они через существовавшие сети обмена проникали на весьма удаленные территории.

Ниже приводятся результаты анализа стратиграфического и планиграфического залегания орудий русско-карельского типа в культурном слое памятников, а также определения их хронологической позиции в рамках волосовской культуры.

Сахтыш II

Стоянка Сахтыш II исследовалась в течение 13 лет Д. А. Крайновым (1962—1964, 1966, 1978—1982, 1984—1987), в том числе совместно с О. С. Гадзяцкой (1962—1964, 1966) и Е. Л. Костылёвой (1984—1987), при участии Г. В. Лебединской, А. В. Уткина, Е. Н. Ерофеевой, Е. М. Молодцовой и др. Небольшие работы провел на памятнике М. Г. Жилин (2001). Вскрытая раскопками площадь составила более 1,5 тыс. кв. м. Здесь с волосовской культурой было связано 23 захоронения, ритуальные площадки, «святилища» и «клады».

В просмотренных коллекциях, описях и полевых дневниках обнаружено 14 орудий русско-карельского типа и орудий, которые могли относиться к этому типу с высокой долей вероятности (10 целых и 4 обломка). Лишь 3 из них были найдены в поздневолосовском горизонте культурного слоя прибрежной части памятника (раскопы 1984, 1987 и 2001 гг.). Остальные обнаружены на ритуальных площадках, связанных с совершением погребальных обрядов, или в непосредственной близости от захоронений могильника волосовской культуры, относящегося к финальному этапу ее развития (рис. 2). Четыре радиоуглеродные даты, полученные по костям погребенной женщины (1) и углю из ритуальных костров (3), расположенных рядом с могилами, относят существование могильника к временному диапазону 4080—3820 л. н. (ок. 2800—2300 кал. лет до н. э.) [1, с. 35—37; 6, с. 249—250; 7]⁴.

³ Анализ проведен А. Ю. Тарасовым.

⁴ 4080±60 (ГИН-5239), 3820±40 (Ле-2617), 4190 ±50 (Ле-2615), 3900±40 (Ле-2613).

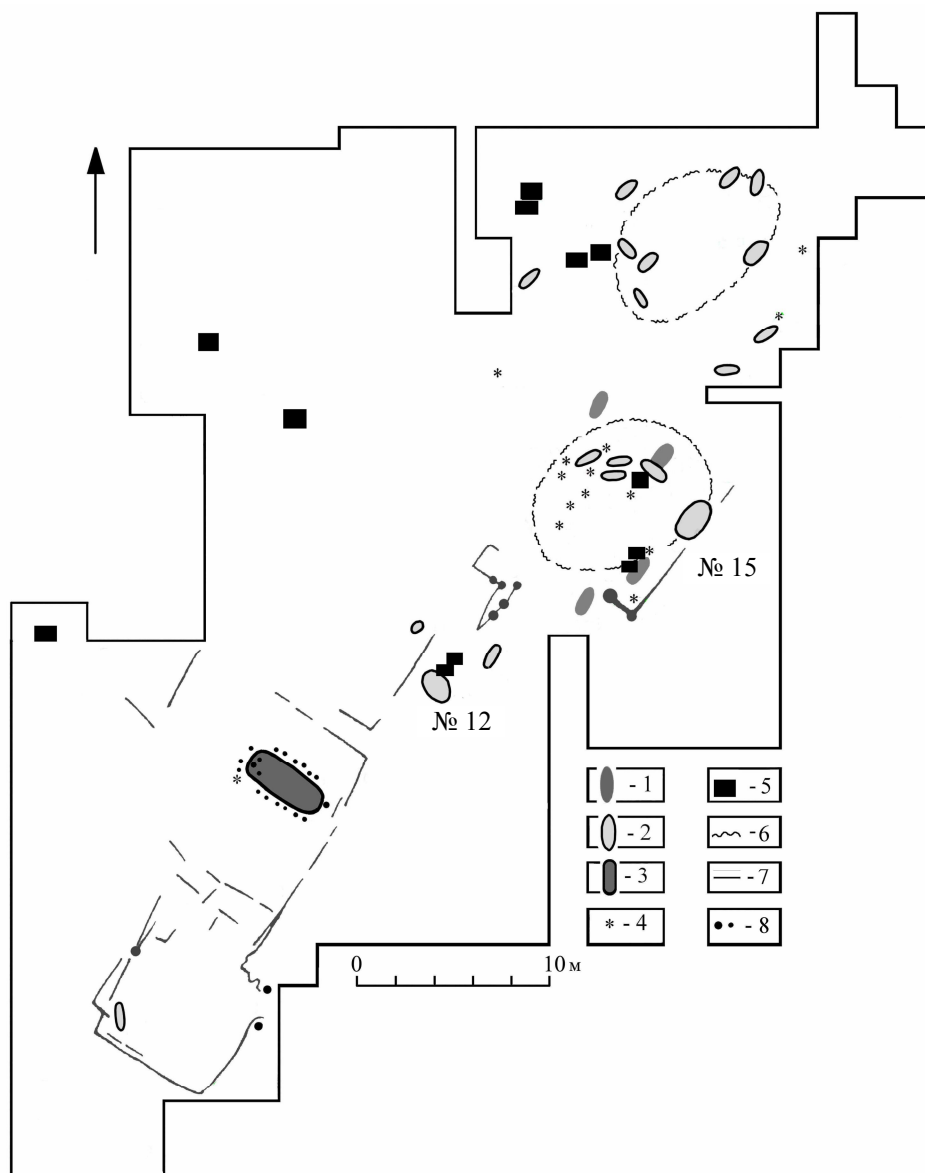

Рис. 2. Общий план раскопов на стоянке Сахтыш II:

- 1 — захоронения льяловской культуры; 2 — захоронения волосовской культуры;
 3 — «святыще» волосовской культуры; 4 — волосовские «клады»; 5 — орудия
 русско-карельского типа (импорт); 6 — условные границы ритуальных площадок;
 7 — очертания волосовских жилищ на уровне материка; 8 — столбовые ямы в материке
 (рис. А. В. Уткина, Е. Л. Костылёвой)

Об отнесении захоронений и связанных с ними ритуальных комплексов к финальному этапу развития волосовской культуры свидетельствуют и некоторые типы украшений, сопровождавших погребенных. Так, в коллективном захоронении № 15 были обнаружены кулон из необработанного куска янтаря и две подвески в виде цилиндра с отверстиями на концах, обычно не встречающиеся среди волосовских древностей, но хорошо известные в культурах шнуровой керамики эпохи бронзы [6, с. 249; 7]. В коллективном захоронении № 12 обнаружены янтарные украшения и пронизки из птичьих костей, аналогичные тем, которые были найдены в фатьяновских захоронениях эпохи бронзы [8].

Заметим, что практически идентичные орудия деревообработки обнаружены в кладах и на ритуальных площадках стоянки Володары в Нижегородской области [13]. По времени они могут быть синхронны сахтышским [6, с. 198].

Всё вышеизложенное позволяет говорить о появлении орудий русско-карельского типа на стоянке Сахтыш II на завершающем этапе развития волосовской культуры в пределах около 4080—3820 л. н. (ок. 2800—2300 кал. лет до н. э.).

Сахтыш VIII

Стоянка Сахтыш VIII исследовалась в течение 11 лет Д. А. Крайновым (1965, 1970—1978) и А. В. Уткиным (1995) при участии Е. Н. Ерофеевой, Н. А. Кирьяновой, Е. М. Молодцовой, Е. Л. Костылёвой и др. За это время было вскрыто около 1200 кв. м площади. Так же как и на стоянке Сахтыш II, здесь были исследованы захоронения и жилища волосовской культуры, «святилище» и «клады» [6, с. 57—67]. Часть погребений относится к ранневолосовскому времени, что определяется также наличием в них янтарных украшений и двух «кладов» янтаря рядом с ними. Основная же масса захоронений была совершена позднее. Их датировку помогает прояснить ситуация с жилищем V, перекрываемым поздневолосовскими захоронениями. Из очага жилища получена радиоуглеродная дата — 4400 ± 60 (JE-1327, ок. 3000 кал. лет до н. э.). Погребение, соответственно, было совершено уже в более позднее время [6, с. 67].

В коллекции предметов из раскопок памятника было обнаружено 9 импортных орудий русско-карельского типа (5 целых и 4 обломка) и 1 не очень понятная заготовка.

Эти предметы никак не связаны с захоронениями, в отличие от стоянки Сахтыш II, где орудия РКТ были обнаружены на ритуальных площадках могильника. Все они найдены в пределах жилищ (II, III и IV) или на прилегающих к ним жилых площадках, а также в волосовском горизонте культурного слоя (на глубине от 20 до 40 см от современной поверхности) на западном участке памятника (рис. 3).

Складывается впечатление, что жилища II, III и IV стоянки Сахтыш VIII хронологически не соотносятся с погребениями на памятнике и по времени близки захоронениям могильника Сахтыш II. Возможно, придется пересмотреть ранее высказанное суждение о синхронности волосовских жилищ и могильника Сахтыш VIII [6, с. 67]. Не исключено, что население, оставившее эти жилища, хоронило своих умерших на Сахтыше II.

Сахтыш IIa/2A

Стоянка и могильник Сахтыш IIa/2A исследовались в течение 8 лет (1987—1994) Д. А. Крайновым, Е. Л. Костылёвой и А. В. Уткиным. Небольшие работы были произведены на заторфованном участке памятника М. Г. Жилиным (1999) и Е. Л. Костылёвой (2004). Всего было исследовано около 800 кв. м площади, вскрыто 72 захоронения льяловской и волосовской культур и 2 «святилища» [6, с. 37].

В коллекции предметов из раскопок памятника было обнаружено всего лишь 2 импортных орудия РКТ. Одно найдено на территории могильника на глубине 0—20 см (уровень поздневолосовских захоронений), другое — в волосовском горизонте культурного слоя на глубине около 30 см в стороне от могильника.

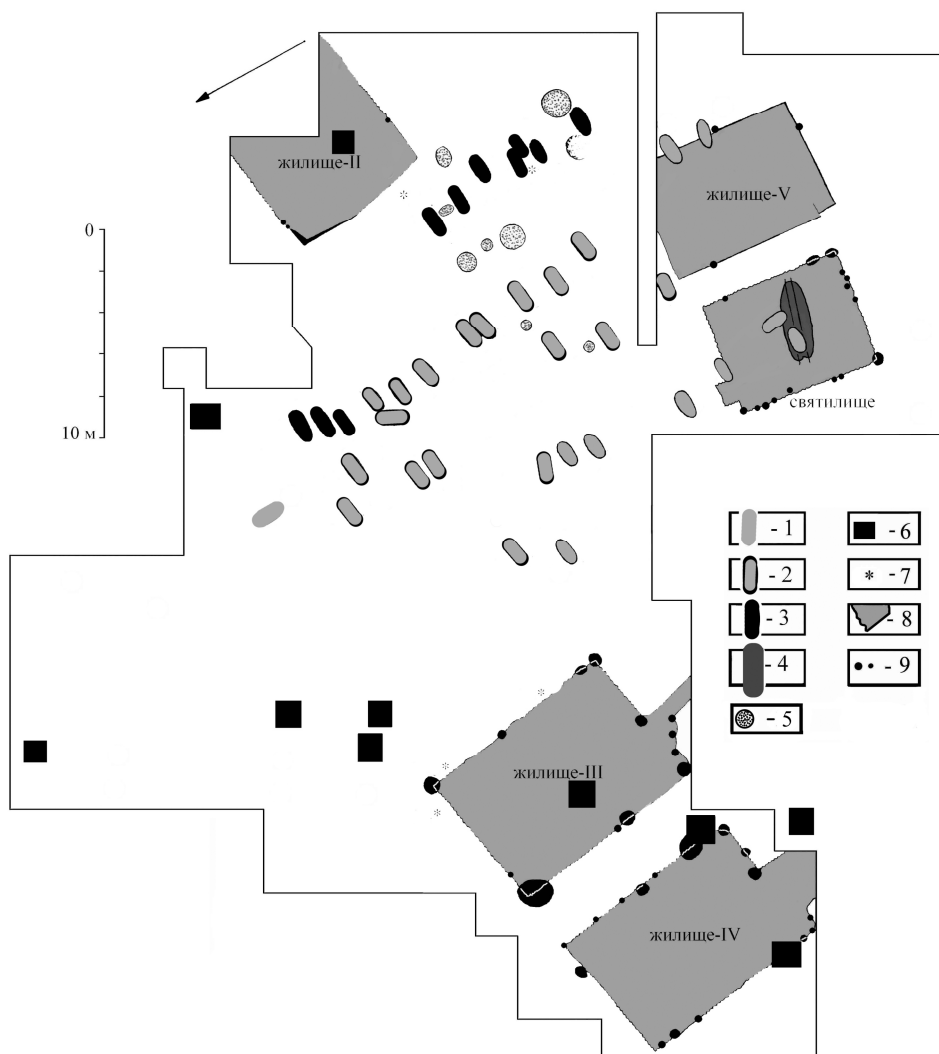

Рис. 3. Общий план раскопов на стоянке Сахтыш VIII:

- 1 — захоронения льяловской культуры; 2 — захоронения волосовской культуры;
 3 — захоронения волосовской культуры с янтарем; 4 — «святилище» волосовской культуры;
 5 — ритуальные волосовские «клады»; 6 — орудия русско-карельского типа (импорт);
 7 — ритуальные волосовские «клады»; 8 — волосовские постройки (границы условные);
 9 — столбовые ямы и ямки (рис. А. В. Уткина, Е. Л. Костылёвой)

Поздневолосовские захоронения датируются по костям погребенных в пределах 4200 ± 240 — 4080 ± 180 л. н. (ок. 2750—2550 кал. лет до н. э.), т. е. фактически они предшествовали и частично совпадали по времени с захоронениями на Сахтыше II.

Сахтыш I

Стоянка Сахтыш I (Малый островок) исследовалась в течение 12 лет (1962—1966, 1970—1975, 1981) Д. А. Крайновым при участии Л. В. Кольцова, Е. Н. Ерофеевой, Е. М. Молодцовой, А. В. Уткина и др. Всего было вскрыто более 1100 кв. м культурного слоя, обнаружено 14 захоронений (13 волосовских, 1 — эпохи бронзы) и 3 жилища: 2 — волосовской культуры, а третье — с разновременными наслоениями, верхний уровень которого связан с волосовской культурой, а нижний — с льяловской [6, 9, 10].

Раскопы, которыми исследовалась территория памятника, располагались в разных его частях. Глубина раскопов различна: от 70—80 см до 160—170 см (в прибрежной зоне). Волосовский горизонт культурного слоя фиксировался на разной глубине, перепады которой были весьма значительны и зависели от расположения раскопов по отношению к руслу реки и скорости торфонакопления.

Всего на разных участках памятника было обнаружено 4 импортных орудия РКТ (3 — во фрагментах и 1 заготовка). Два из них, бесспорно, можно связать с поздневолосовским временем: это целая заготовка из поздневолосовского горизонта культурного слоя (глубина 0—20 см) рядом с волосовским могильником, особенности погребального обряда которого позволяют датировать его временем ок. 4000 лет назад в радиоуглеродных датах (ок. 2500 кал. лет до н. э.) [10, с. 78], а также фрагмент из волосовского горизонта (глубина 20—40 см) культурного слоя (раскоп 1) рядом с поздневолосовским жилищем.

Второй фрагмент был найден в многоуровневом жилище (раскоп 3а) на уровне нижнего (ляловского) строительного горизонта (–150 см). Он был обнаружен у юго-восточной стенки жилищного котлована. Возможно, это говорит о том, что орудие могло попасть вниз из верхнего (волосовского) горизонта при оползании стенок котлована. Третий фрагмент также был найден в нижнем горизонте (–140 см) культурного слоя (раскоп 1), в той части раскопа, которая врезалась в русло реки и где шли активные процессы размывов и прочих нарушений целостности культурного слоя.

В целом, на Сахтыше I не прослеживается ярко выраженная связь импортных орудий РКТ с поздневолосовской культурой. Однако находки их в районе волосовских жилищ и поздневолосовского могильника всё же позволяют предположить время их появления на памятнике — на закате волосовской культуры.

Проведенный анализ пространственно-хронологического контекста орудий РКТ указывает на то, что привозные орудия, сделанные из карельского метатуфа, появляются на Сахтышских стоянках на заключительном этапе развития волосовской культуры — около 4200—3820 л. н. (ок. 2750—2300 кал. лет до н. э.). Они представлены как целыми формами (15 экз.), так и фрагментами (13 экз.) и заготовками (2 экз.). Большинство из них — 10 орудий (7 из которых — целые) и 1 заготовка связаны непосредственно с поздневолосовскими могильниками Сахтыш II (9 экз.), Сахтыш I (1 экз.) и Сахтыш Па / 2А (1 экз.) и были найдены на площадках рядом с погребениями, в том числе в ритуальных «кладах». Последнее обстоятельство указывает на высокий статус этого типа орудий.

Остальные предметы связаны с поздневолосовскими жилищами Сахтыша VIII и Сахтыша I (5 экз.) и поздневолосовским горизонтом культурного слоя стоянок Сахтыш I, II, Па и VIII (8 экз.)⁵. Лишь 3 орудия были найдены ниже поздневолосовского горизонта, что вполне объяснимо условиями смешения культурных слоев в процессе хозяйственной деятельности древнего населения и отправления погребальных обрядов.

Библиографический список

1. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / Д. А. Крайнов, Г. И. Зайцева, Е. Л. Костылева, А. В. Уткин // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1991. Вып. 5. С. 33—42.
2. Брюсов А. Я. Археологические памятники III—I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 9—34.

⁵ Контекст трех экземпляров остается невыясненным.

3. Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. М. : Изд-во ГИМ, 1940. Вып. 9. С. 320.
4. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 264 с.
5. Жульников А. М. Энеолит Карелии : памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск, 1999. 224 с.
6. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья : планиграфические и хронологические структуры. М. : ТАУС, 2010. 300 с.
7. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Хронология погребального обряда волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 230—233.
8. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья : фатьяновская культура II тысячелетия до н. э. М. : Наука, 1972. 274 с.
9. Крайнов Д. А. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 177. С. 41—47.
10. Крайнов Д. А., Уткин А. В. Погребения на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. 1991. Вып. 203. С. 73—78.
11. Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Л. : Наука, 1978. Ч. 2 : Неолит. 160 с.
12. Филатова В. Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // Советская археология. 1971. № 2. С. 32—38.
13. Цветкова И. К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М. : Сов. Россия, 1970. С. 102—111.
14. Ailio J. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, I-II. Helsingfors, 1909.

ББК 74.483(2)531

А. В. Степанов

«СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ВУЗЫ ПЕТЕРБУРГА 1900-х гг. ПО МАТЕРИАЛАМ СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ

Представлены сведения о различных высших учебных заведениях Петербурга, извлеченные из ряда справочных изданий начала XX в. Традиционные, или «старые», вузы сравниваются с теми, которые открылись во время или после русской революции 1905 г. Утверждается, что, хотя к 1910 г. «новые» вузы Петербурга еще во многом отставали от «старых», они выступили пионерами высшего образования для женщин и непривилегированной молодежи, а также вынудили «старые» вузы к модернизации.

Ключевые слова: высшая школа, Петербург, университет, начало XX в.

Data from some early 20th century reference books concerning various higher education institutions in St. Petersburg are presented. Traditional, or «old» places of learning are compared with those opened during and after the 1905 Russian revolution. The author argues that although by 1910 the «new» colleges of St. Petersburg still fall behind the “old” ones in many aspects, they pioneered in offering higher education to women and to underprivileged young people, and also brought some modernizing change into the “old” schools.

Key words: higher school, St. Petersburg, university, early 20th century.

© Степанов А. В., 2014

В начале прошлого столетия российская столица служила не только средоточием верховной государственной власти и деловой жизни страны. Петербург Серебряного века оставался крупнейшим национальным центром высшего образования. В 1900-е гг. там действовали десятки «послешкольных» учебных заведений. Точный учет их затруднителен, но даже имеющиеся неполные данные доказывают академический приоритет Петербурга перед ближайшим соперником — Москвой. Например, в 1907 г. из 32 тыс. русских универсантов в столице училась ровно четверть [24, стб. 1829; 15, с. 164]. В 1909 г. в Петербурге работали 23 вуза [22, стб. 1350], а в Москве даже в 1913 г. — лишь 13 [23, с. 255]. Общее число московских студентов в 1904 г. — около 10 тыс. человек [14, стб. 628] — едва превосходило число слушателей одного лишь столичного университета. Наконец, по сведениям А. И. Иванова, к 1917 г. в Петрограде насчитывалось 25 казенных и 19 негосударственных вузов, тогда как в Москве, соответственно, 10 и 13 [8, с. 376].

После 1917 г. одна часть питомцев столичной высшей школы станет ядром первого поколения советской интеллигенции, а другая часть вольется в научный мир Европы и Америки, доказав уровень своих знаний на его высококонкурентном интеллектуальном рынке¹. Сто лет спустя, когда проблемы отечественной образовательной системы продолжают волновать наше общество, полезно еще раз обратиться к успешному в целом опыту построения высшей школы в предреволюционной России.

В распоряжении автора оказался исключительно информативный источник — «Новейший путеводитель по С.-Петербургу», разносторонне освещающий академический мир Петербурга на исходе 1900-х гг. [15]. Названная своим безымянным составителем «студенческим календарем», эта книга скорее соответствует современному «справочнику для поступающих в вузы». Она содержит подробные и по возможности приведенные к общей схеме описания учреждений высшего образования, которые действовали в российской столице, — как «старых», существовавших с XIX в., так и новых, открывшихся в 1905—1909 гг. в результате смягчения казенной регламентации частной образовательной деятельности. Используя справки, полученные из самих вузов, автор путеводителя называет изучаемые там предметы, приводит бесценные сведения о преподавательских коллективах и даже о том, какие права дает диплом того или иного образовательного учреждения. Не свободный от опечаток и, вероятно, неполный, путеводитель представляет своего рода срез петербургского академического мира, каким тот был в канун Первой мировой войны.

Крупнейшим «старым» вузом столицы в 1900-е гг. оставался Императорский Санкт-Петербургский университет (ИСПБУ). Он «состоял из четырех факультетов» — историко-филологического, физико-математического, юридического и факультета восточных языков. Свыше половины всех студентов ИСПБУ (54 %) были юристы. Примерно треть универсантов (34 %) училась на двух отделениях физмата. Историкам и филологам принадлежало скромное третье место (около 7,4 % всех слушателей) [15, с. 165]².

¹ Зная это, трудно согласиться с А. И. Ивановым, утверждавшим, будто «к февралю 1917 г. российская высшая школа оказалась в состоянии глубочайшего кризиса», который не преодолело и Временное правительство [8, с. 353]. Как можно за 8 месяцев решить проблемы, копившиеся годами, автор не уточнил.

² Для сравнения приведем состав студентов Московского университета. В 1914 г. в него планировалось принять 2350 слушателей, в т. ч. 1000 чел. (42,6 %) на юриди-

Однако в системе учебно-вспомогательных учреждений университета естественные дисциплины решительно преобладали над гуманитарными. К услугам питерских универсантов в 1900-е гг. имелись 19 кабинетов природоведческой направленности (среди них числились даже ботанический сад и астрономическая обсерватория) и лишь 3 кабинета, необходимые будущим юристам. Да и возглавляли университет в 1900-е гг. в основном ученые-естественники: астроном А. М. Жданов (1903—1905) и физик И. И. Боргман (1905—1910). Уважение вызывает также библиотека университета: на 1908 г. она насчитывала около 185 тыс. названий книг (по 23 единицы учета на 1 студента) и оценивалась внушительной цифрой — свыше 833 тыс. руб. Сохранность этого фонда обеспечивало, среди прочего, ограничение разовой выдачи книг в одни руки («не свыше 6 томов, на сумму не свыше 25 р.»). Для получения книг студенту требовалось предъявить «университетский вид на жительство», а «вольнотрушатель» оставлял денежный залог [15, с. 165, 166].

О кадровом богатстве столичного университета косвенно свидетельствуют имена его преподавателей, возглавлявших студенческие научные кружки. Так, «кружком философии права» руководил проф. Л. И. Петражицкий, кружком государственного права — проф. М. М. Ковалевский, студенческим научно-литературным обществом — приват-доцент А. С. Лаппо-Данилевский, а кружком политической экономии — приват-доцент М. И. Туган-Барановский [15, с. 166]. Каждый из этих ярких ученых и незаурядных общественных деятелей начала XX в. заслуживает обширного исследования. Перечислить же весь профессорско-преподавательский состав университета издатель путеводителя, вероятно, не считал возможным: например, в 1905 г. в ИСПБУ работали 75 профессоров и 105 приват-доцентов [22, стб. 1349]; один преподаватель тогда приходился примерно на 45 студентов.

Путеводитель уделил особое внимание социальному обеспечению слушателей ИСПБУ. Так, «при Университете существует приемный покой. Нуждающимся студентам медикаменты отпускаются бесплатно из университетской аптеки». Более того: в Пятигорске в те годы действовал студенческий санаторий на 20 мест, из которых десять сдавались за полную плату (35 руб. в месяц «на всем готовом»), шесть мест числились «полуплатными» (16,5 руб. в мес.), а четыре места были и вовсе бесплатными [15, с. 283—284]. Те же столичные универсанты, кто не жаловался на здоровье, в 1900-е гг. создавали первые спортивные кружки: конькобежцев, лыжников, футболистов, велосипедистов и даже «кружок воздухоплавания» [15, с. 283].

Испытывавшие финансовые трудности студенты университета могли обратиться за пособиями и ссудами в Общество вспомоществования, которое возглавляли проф. М. М. Ковалевский и приват-доцент В. Г. Яроцкий. Путеводитель сообщал также, что «в ведении Общества с мая 1908 г. находится столовая университета»³, занимавшая «образцово-оборудованное здание» [15, с. 166—167]. Действительно, судя по заметке в журнале «Строитель»,

ческий факультет, по 350 чел. (15 %) на естественный и математический факультеты, 300 чел. (12,8 %) на медицинский и 250 чел. (менее 11 %) на историко-филологический (подсчитано по: Новое время. 1914. 14 мая).

³ По данным Ю. Б. Демиденко, открыв в 1902 г. студенческую столовую, Общество вспомоществования уже в 1904 г. передало ее «в ведение университета» [4, с. 148]. Согласовать два эти утверждения мы не можем. Известно, что и столовой Горного института «заведовала» тогда студенческая комиссия [15, с. 212].

столовую университета предполагалось оснастить такими новинками тогдашней техники, как электрическое освещение, вентиляция и даже грузовые лифты для подачи пищи из кухни в обеденный зал. Сметная стоимость объекта приближалась к 130 тыс. руб. [18, стб. 513].

Знакомый с университетским общепитом не понаслышке выпускник юрфака ИСПБУ Д. А. Засосов вспоминал: «Обстановка столовой была скромная: длинные столы, покрытые клеенкой, на них большие корзины с хлебом, которого можно было есть сколько угодно. Было самообслуживание, цены очень дешевые: обед без мяса 8 копеек, с мясом — 12. стакан чаю — копейка, бутылка пива — 9 копеек. В буфете продавались кисели, простокваша. Некоторые любители проводили в столовой больше времени, чем на лекциях, их интересовало дешевое пиво. Кое-кто из студентов, выбившись из бюджета, ограничивался чаем и бесплатным хлебом» [7, с. 226]. Очевидно, студенты-«белоподкладочники» и «академисты», которых привозили в университет кучера на дорогих упряжках, университетскую столовую не посещали.

Представляют интерес опубликованные в справочнике официальные «Правила о назначении студентам стипендий, об освобождении их от оплаты», изданные в 1907 г. [15, с. 167—171]. Согласно «Правилам», стипендий удостоивались универсанты, успешно осваивавшие учебный план; однако даже им следовало приложить к своему прошению на имя ректора «удостоверение о недостаточном состоянии». При этом на казенную стипендию мог претендовать лишь тот слушатель, кто имел право поступать на государственную службу. Такой выпускник «по выходе из университета» был обязан «за каждый год пользования стипендией прослужить по назначению правительства полтора года». За этим положением «Правил» следовала недвусмысленная приписка: «Документы студента, получавшего такую стипендию, не выдаются ему на руки, а препровождаются к Попечителю учебного округа для дальнейшего распоряжения» [15, с. 169].

Число университетских стипендиатов трудно назвать значительным: к 1909 г. их насчитывалось всего 174 человека — чуть более 2 % контингента слушателей. Сама стипендия была вполне приличной (около 45 руб. в месяц), но назначать ее разрешалось в течение не более чем четырех лет; тогда это был полный срок обучения универсанта. Стипендию мог получить даже первокурсник, если в его гимназическом аттестате средняя отметка была не ниже 4½ балла. Дозволялось освобождать от платы за обучение 15 % студентов ИСПБУ [15, с. 170]. Справочник не указывает размер этой платы, но на основании данных, которые приводит Е. А. Ростовцев [26, р. 110], душевой размер «сбора за слушание лекций» в университете в 1909 г. можно приблизительно определить в 45—50 руб. Пользоваться освобождением от платы разрешалось тоже не более четырех лет: «вечным студентам» льготы не полагались.

Не менее интересны правила, которым университет следовал, выдавая слушателям «выпускное свидетельство» (диплом низшего разряда). Оно полагалось тем, кто осилил весь учебный план, в частности «прослушал» лекции, выполнил «обязательные практические занятия» и «выдержал полукурсовые экзамены», получив за них оценки не ниже «удовлетворительно» (нечто среднее между оценками «3» и «4» по пятибалльной системе). Никаких итоговых экзаменов или защиты квалификационной работы для получения выпускного свидетельства не требовалось. В нем «означались» все академические дисциплины, «входящие в состав избранного студентом учебного плана». Подписывали свидетельство лишь декан и секретарь факультета [15, с. 171], словно подчеркивая этим скромный уровень знаний его обладателя.

Тот, кто желал иметь полноценный университетский диплом первой или второй степени, должен был выдержать дополнительные испытания. Соискателя экзаменовали «по предметам, по которым не установлено полукурсовых испытаний», причем делала это особая комиссия, назначаемая самим министром народного просвещения. Претенденты на диплом первой степени представляли в комиссию еще и письменную работу «на одобренную факультетом тему по одному из предметов, входящих в состав факультетского преподавания». Диплома первой степени мог удостоиться лишь тот студент, кто за все годы учебы, а также на «испытаниях» в комиссии, получил не менее половины оценок «весьма удовлетворительно» (эквивалент «пятерки» по пятибалльной системе) и не имел «неудов». Все испытуемые предъявляли также квитанцию о внесении ими платы в сумме 20 руб.; «этот взнос ни в коем случае не возвращается», — предупреждали «Правила» [15, с. 173].

Выдержавшему испытания университу вручали документ, в котором, среди прочего, «обозначался перечень прав, предоставляемых дипломом». Столь ценное свидетельство изготовляла канцелярия попечителя учебного округа; оно скреплялось подписями самого попечителя и председателя комиссии [15, с. 174]. Таким способом казенная аттестация специалиста, проводимая от лица государства, сочеталась с оценкой его знаний представителями академического сообщества, из рядов которого набиралась комиссия.

Помимо университета, высшее гуманитарное образование в Петербурге начала XX в. давали некоторые иные «классические» учебные заведения. Первым из них путеводитель называет Императорский Историко-филологический институт (ИИФИ), соседствовавший с ИСПБУ на невской набережной Васильевского острова [15, с. 180]. Институт был основан в 1867 г. и готовил кадры преимущественно для средней школы. Не случайно при приеме в него студентов «наблюдается, чтобы они не имели какого-либо природного недостатка, препятствующего быть учителем, и чтобы состояние здоровья и телосложения их были вполне благонадежны (! — А. С.)» [15, с. 180]. Поступать в институт без приемных экзаменов имели право лишь выпускники тех классических гимназий, где преподавали латинский и древнегреческий языки, а также отличники духовных семинарий; все абитуриенты должны были представить «одобрительные свидетельства о своем поведении».

Чиновный режим работы института, порядки в котором установились, вероятно, еще во времена министра народного просвещения Д. А. Толстого (он занимал эту должность с 1866 г. по 1880 г. и «прославился» введением в программу гимназий классических предметов), наглядно иллюстрирует тот факт, что первые лица ИИФИ, поименованные в путеводителе, носят не академические степени, а бюрократические ранги. Директор института состоял в чине III класса (тайный советник), инспектором служил действительный статский советник (чин IV класса), и лишь третий по значимости пост ученого секретаря институтской конференции занимал профессор Ф. Ф. Зелинский, выдающийся филолог-античник. Приоритеты образовательной программы ИИФИ отражал и тот факт, что список его преподавателей, построенный не в порядке алфавита, открывает *законоучитель* — протоиерей Е. П. Аквилонов, а Закон Божий стоит первым в перечне изучаемых студентами предметов; русская история занимает в нем лишь 10-е место.

Строгий «классицизм» Историко-филологического института в некоторой мере оправдан тем обстоятельством, что его студенты поступали на полное казенное содержание из расчета 400 руб. в год на одного обучаемого

[15, с. 181]. За это каждый казеннокоштный питомец института по окончании четырехлетнего курса «обязывался подпискою (! — А. С.) прослужить не менее шести лет в ведомстве Министерства народного просвещения». Выпускникам института, «окончившим курс с успехом, предоставляется звание учителя гимназии, дающее все права кандидатов университетов», — сообщал путеводитель. По данным авторитетной энциклопедии 1910-х гг., звание «кандидат» соответствовало университетскому диплому первой степени [9, стб. 815], хотя присваивать «кандидата» отечественные университеты перестали с 1884 г. [10, стб. 713—714].

Слушатели ИИФИ не могли посетовать на нехватку наставников: в 1909 г. 110 студентов этого института обучали 12 профессоров и 16 преподавателей. Иные из них, например Г. Г. Зоргенфрей, параллельно с работой в институте продолжали трудиться в средних школах (судя по каталогу Российской государственной библиотеки, где числятся 14 книг и брошюр Зоргенфрея, Густав Густавович в 1910—1913 гг. был директором 6-й гимназии Петербурга). Другие преподаватели совмещали экстраординарную профессуру в ИИФИ со службой в университете; так поступал, например, известный историк-медиевист С. М. Середонин. Еще один историк — ординарный профессор института Г. В. Форстен, кстати, выпускник уже упомянутой 6-й петербургской гимназии — состоял профессором не только в ИСПБУ, но и в Николаевской академии Генерального штаба [25, с. 304].

«Валовая» статистика подготовки специалистов в стенах ИИФИ не выглядит впечатляющей, вполне соответствуя элитному характеру самих классических гимназий⁴. В 1870—1913 гг. институт сделал 43 выпуска и дал Министерству народного просвещения 855 педагогов [9, стб. 815] — в среднем по 20 человек в год. С учетом среднего числа студентов этого вуза (100 чел.) и продолжительности полного курса (4 года), эта цифра позволяет оценить масштаб отсева обучаемых из ИИФИ: вероятно, около 20 % поступивших в него абитуриентов не доходили до диплома. По сообщению современного петербургского краеведа Ю. А. Ендольцева, в этом институте «переэкзаменовка ни под каким видом не разрешалась. Не сдавший экзамена по какому-либо предмету немедленно отчислялся: восстановление на тот же курс через год разрешалось только министром» [6, с. 224]. Таким путем, вероятно, обеспечивалась должная подготовка будущих «кандидатов университета».

В любом случае, ИИФИ помог преодолеть дефицит преподавателей классических дисциплин в наших гимназиях — тот дефицит, который, по воспоминаниям московского гимназиста 1870-х гг. П. Н. Милюкова, вынуждал руководство Министерства народного просвещения в первые годы «толстовских» реформ «обращаться за помощью к славянам, и преимущественно к чехам». Латынь они, возможно, знали хорошо, но русским языком владели слабо, так что «класс не мог не смеяться» над ломаной речью педагога-иностранца [13, с. 51—52].

Куда более аристократичным по составу учащихся, чем ИИФИ, гуманитарным вузом Петербурга, и притом столь же «закрытым», то есть размещающим своих студентов в общежитии, был Императорский Александров-

⁴ Например, в 1877—1892 гг. в России неизменно насчитывалось всего 180 гимназий. Стабильным держалось и число их учеников (ок. 60 тыс. чел.) Правда, в 1912 г. казенных гимназий стало уже 307, а частных — 105; в них обучалось почти 130 тыс. россиян [3, стб. 535, 538] Это, однако, составляло менее 0,1 % жителей страны.

ский лицей. Основанный в 1811 г. фактически как привилегированная *средняя* школа, из стен которой выходили подростки 16—17 лет, он с 1848 г. превратился во «внесистемное» *высшее* учебное заведение [12, стб. 730]. Лицеисты 1900-х гг. оканчивали курс уже в возрасте 20—22 и даже 23 лет, успев прежде поучиться в гимназии⁵.

В то же время, судя по данным путеводителя, лицей в 1900-е гг. сохранил свой изначальный элитный характер. Это проявлялось, например, в практике вступительных экзаменов («предварительного испытания») для абитуриентов, в ограничении их круга исключительно детьми потомственных дворян, в высокой плате за обучение для своекоштных студентов (800 руб. в год) и, что особенно характерно, в открыто публикуемом правиле: принимать для обучения за счет казны лишь «отличнейших учеников Петербургских классических гимназий», а также сыновей «генералов и гражданских чиновников не ниже действительного статского советника» [15, с. 182]. Работавший в лицее в 1885—1907 гг. Н. И. Кареев признавал, что «это было привилегированное учебное заведение, в котором воспитывались сыновья разных сановников и богатых дворян». Однако, по мнению Кареева, в лицее в те годы «совсем не было полицейского духа, а преподавание находилось в руках прогрессивных профессоров юридического факультета» [11, с. 176].

К сожалению, не вполне вразумительное изложение правил приема, представленное в путеводителе, не дает прямого ответа на вопрос о том, сколько «бюджетных мест» выделяло в те годы лицеею финансировавшее его Ведомство учреждений императрицы Марии. Сообщается лишь о возможности приема шести «неплатящих», а также о наличии в лицее 52 казенных и 7 частных стипендий; при «комплекте» обучающихся в 220 человек это означало, что стипендиями обеспечивалось 27 % воспитанников этого вуза — во много раз больше, чем в столичном университете. Имеются также данные о численности педагогического корпуса лицея: в 1909 г. там работали 3 ординарных профессора и 38 преподавателей. В отношении к числу обучаемых этот показатель ниже, чем в Историко-филологическом институте (5,4 чел. на 1 педагога в лицее против 3,9 в ИИФИ), но гораздо выше, чем в ИСПБУ. Заметим, что к 1913 г. эти цифры изменились незначительно: на 280 воспитанников лицея теперь приходилось 49 преподавателей (5,7 чел. на 1 преподавателя) [12, стб. 731].

Еще более своеобразным центром высшего гуманитарного образования в Петербурге был Императорский Археологический институт (ИАИ). Его особенность состояла в том, что в качестве «действительных слушателей» туда принимали лиц, уже имеющих высшее образование: ИАИ становился для них чем-то вроде современной аспирантуры. Имевшие лишь среднее образование зачислялись «вольнотрушателями» и платили за обучение 30 руб. в год. По окончании двухлетнего курса выпускники ИАИ получали нетипичные для других вузов звания: «действительный член» и «сотрудник». Первое присваивалось действительным слушателям, второе — вольнотрушателям [17, с. 10]. Достойно цитаты еще одно положение уставных документов ИАИ: «Институт оказывает лицам, окончившим в нем курс, содействие к получению должностей, соответствующих полученной ими специальности» [17, с. 11].

⁵ Впрочем, Н. И. Кареев вспоминал, что и в 1890-е гг. «лицейсты старшего курса в среднем были моложе студентов летами и больше напоминали учеников средней школы, заставляя профессоров поддерживать в аудитории дисциплину призывами к порядку» [11, с. 180]. С. Ф. Платонов в письме к П. Н. Милюкову (1891 г.) отмечал, что лицей «и в высших классах» носил «характер среднего учебного заведения» [19, с. 315].

В 1900-е гг. Археологический институт, открытый в 1878 г. «на частные средства» [17, с. 7], состоял «в ведомстве Министерства народного просвещения» и имел целью подготовку специалистов «по разным отраслям археологии и по архивоведению» [17, с. 9]. Управлял им директор, назначаемый императором по предложению министра просвещения [17, с. 10]. Пост директора с 1898 г. занимал тайный советник Н. В. Покровский, который совмещал службу в ИАИ с преподаванием в Петербургской Духовной академии [20, стб. 1009; 15, с. 183].

«Памятная книжка» ИАИ, выпущенная в 1911 г., содержит, среди прочего, уникальные сведения о статьях расходов института. Его директор, состоявший в чине IV класса, получал 100 руб. в месяц. Каждый из 12 преподавателей, имевших докторскую степень (и чин V класса — «по должности» и «по шитью на мундире»), довольствовался в среднем неполными 56 руб. В действительности схема оплаты была сложнее: она зависела от ученой степени, педагогической нагрузки и стажа работы преподавателя в институте; самый щедрый профессорский оклад в ИАИ составлял 1000 руб. в год. Учитывая, что в «среднеклассном» Петербурге 1900-х гг. даже такая сумма не казалась слишком значительной, можно предположить, что на совместительство в нескольких вузах столичных ученых толкало не одно лишь стремление нести свет разума в широкие массы, но и более прозаические причины. Как бы то ни было, в 1900-е гг. в ИАИ читали лекции такие выдающиеся профессора, как Н. И. Веселовский, Н. П. Лихачев, С. Ф. Платонов [17, с. 14].

Зато секретарю Археологического института полагалось в год 900 руб. жалования — не по чину (он был лишь надворным советником, то есть состоял в VII классе), зато «по факту»: в отличие от обладателей ученых степеней, он вряд ли мог работать сразу в нескольких местах. Примечательно, что на должности «письмоводителя» в ИАИ с 1892 г. служили женщины, что совершенно не типично для казенных академических учреждений той эпохи. Оклад этих первенцев эмансипации составлял 800 руб. в год, однако в эту сумму входили также «канцелярские и мелочные расходы». Еще 3300 руб. институт тратил на наем помещения, его освещение и отопление. 1500 руб. ежегодно выделялось на издание трудов преподавателей и слушателей; за четверть века ИАИ опубликовал 22 выпуска «Вестника истории и археологии» и столько же томов своих неперіодических изданий [17, с. 13, 15, 33—34].

В целом расходы института укладывались в те 18 тыс. руб., которые он с 1899 г. получал в качестве правительственной субсидии. Правда, в отчете не показано, на что расходовались пожертвования многочисленных спонсоров. Неясна и судьба денег, внесенных в кассу ИАИ его вольнослушателями; между тем, например, только в 1907 г. институт со свидетельством «сотрудника» закончили 28 человек [17, с. 76], уплатив за год более 800 руб.

Гендерный аспект работы ИАИ заслуживает внимания не только потому, что в его штате на вспомогательных должностях работали женщины. Гораздо важнее, что начиная с 1909 г. женщины встречаются в списках его выпускников, причем сразу в разряде «действительных членов», то есть полноправных специалистов. По данным за 1909—1911 гг., женщины составили 8 % окончивших институт с этой степенью и 9 % его выпускников, удостоенных более скромной степени «сотрудника» (подсчитано по: [17, с. 80—85]). Если учесть, что архивное дело, а тем более археология, не считались тогда занятиями, подобающими образованным дамам из «общества» (в отличие, например, от педагогики, земской службы или общественной деятельности), эти достижения ИАИ покажутся куда более значимыми.

На условной границе между «старыми» (казенными) и «новыми» (негосударственными) вузами Петербурга находились Высшие женские курсы (ВЖК), открытые в 1878 г. В начале XX в. в их составе действовали три факультета, в том числе историко-филологический и юридический [15, с. 221]. Продолжительность обучения на ВЖК соответствовала университетской норме (4 года), а плата за обучение была весьма внушительной — 100 руб. в год. Немалая толика этих средств доставалась преподавателям. Приглашая в 1891 г. П. Н. Милокова к сотрудничеству на ВЖК, С. Ф. Платонов сулил молодому коллеге не только «прелестную обстановку» (вероятно, имея в виду гендерный состав его будущей аудитории), но и приличное вознаграждение — 800 руб. в год за 4 часа еженедельных лекций [19, с. 315]. Очевидно, что работа на ВЖК не носила характер бескорыстной филантропии. Современный историк академической жизни России 1900-х гг. А. Дмитриев считает, что «для многих университетских деятелей, включая профессоров, важным ресурсом для поправки материального положения стало преподавание на Высших женских курсах» [5, с. 112].

В списке сотрудников исторического факультета ВЖК обращают на себя внимание даже не столько имена светил науки, таких как профессора И. М. Гревс, Н. О. Лосский, С. Ф. Платонов, С. Л. Франк или «преподаватели» А. В. Карташев и Н. А. Котляревский [15, с. 222]; как мы убедились, среди педагогов столичных вузов совместительство тогда было обычной практикой⁶. Куда более значимыми выглядят в этом списке имена *женщин-педагогов*. Это преподаватель новой истории Н. С. Врасская, преподаватель «по кафедре русской литературы» Т. М. Глаголева, преподаватель русской истории А. Я. Ефименко, преподаватель истории искусств А. А. Константинова, преподаватель новой истории А. М. Петрункевич, преподаватель римской словесности В. В. Петухова, преподаватель «по кафедре древней истории» С. И. Протасова.

Правда, работавшие в 1900-е гг. на ВЖК женщины уступали по академическому рангу коллегам-мужчинам — профессорам и приват-доцентам. Доля женщин в преподавательском корпусе истфака ВЖК не превышала 17 %. Однако и это следует признать значительным достижением в стране, где прием женщин на казенную службу, включая высшую школу, до 1917 г. будет оставаться крайне стесненным [21]. Более того, в 1909 г. женщины работали уже и на физико-математическом факультете ВЖК, составляя свыше 12 % его преподавательского штата и 65 % (!) ассистентов и руководителей практических занятий (подсчитано по: [15, с. 223]). Исключительно женским был учебно-вспомогательный персонал ВЖК — библиотекари, секретарь канцелярии и т. п.⁷ Впрочем, на юридическом факультете женщины в 1909 г. ни в каком качестве еще не встречались [15, с. 223—224].

⁶ Например, в 1886—1899 гг. тот же Н. И. Кареев еженедельно «читал лекции в университете (6 часов), на Высших женских курсах (2—3 часа) и в Лицее (5 часов)» [11, с. 179]. К счастью для Кареева, все эти учебные заведения находились относительно близко от его квартиры. Однако, когда в 1902 г. живший в центре Петербурга немолодой уже профессор стал два дня в неделю вести занятия в Политехническом институте, расположенном за чертой города, ему пришлось ночевать там в общежитии студгородка [11, с. 223].

⁷ Заметим для сравнения, что в 1913 г., например, на Высших женских курсах в Варшаве, где мужчины-педагоги в основном носили скромные звания магистров, а то и вовсе не имели ученых степеней, женщины не работали ни преподавателями, ни даже лаборантами; им доверили только библиотеку [16, с. III—VI].

Особенностью Высших женских курсов надо признать развитую систему социальной поддержки слушательниц. Примерно 240 из них получали стипендии в размере 100 руб. в год с целевым назначением оплаты посещения лекций. Из этого числа 160 стипендий предоставляло Общество взаимопомощи слушательниц; оно же давало в течение года различных единовременных пособий на 2—3 тыс. руб. При ВЖК имелась столовая. Слушательницы могли рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь «профессоров и врачей», список которых «можно получить в канцелярии Курсов». Там же имелся перечень столичных аптек, предоставлявших слушательницам скидку при покупке лекарств в размере 15—30 % [15, с. 224].

Не менее интересны приведенные в путеводителе сведения о негосударственных учреждениях высшего образования (НУВО), открывшихся в Петербурге в ходе и после событий 1905—1907 гг. Вот лишь некоторые из них.

Педагогическая академия Лиги образования, устав которой Министерство просвещения утвердило в 1907 г., предлагала лицам обоего пола, имеющим высшее образование, двухгодичные курсы по широкому кругу точных и общественных наук (включая «патологическую педагогику» и «воспитание ненормальных детей»); год обучения академия оценивала в 100 руб. [15, с. 231—232].

Открытый в 1908 г. Психоневрологический институт именовал себя «высшим учебным и научным учреждением». Он предлагал пятилетний курс «для лиц обоего пола», имеющих среднее образование и готовых ежегодно платить по 100 руб. При этом исход трудов и трат слушателей оставался неясным: руководство института еще только обратилось «в министерства» с ходатайством о предоставлении его выпускникам прав, «соответствующих правительственным высшим учебным заведениям» [15, с. 234].

Вольный женский университет, известный также под более скромным названием «Высшие женские историко-литературные и юридические курсы», приступил к работе в 1905 г. «на основе Высочайшего повеления». Он состоял из двух факультетов с четырехлетними курсами наук, которые читались «применительно к университетским программам» для слушательниц, имеющих аттестат гимназии. Год обучения здесь стоил 150 руб., причем «внесенные деньги ни в каком случае не возвращаются». Курсы обеспечивали своих слушательниц видом на жительство в столице, но с примечательной оговоркой: «Права жительства еврейкам не дают». Окончившие полный курс получали «права учительниц женских гимназий» [15, с. 236]. Трудно предположить, чему могли бы учить гимназисток выпускницы, например, юридического факультета, прослушавшие в его стенах добрую дюжину правоведческих дисциплин, включая «историю философии права» [15, с. 235].

Вероятно, высшее образование в сфере юриспруденции особенно привлекало россиянок, потому что с декабря 1905 г. в Петербурге работал еще один вуз того же профиля — Юридические высшие женские курсы. Их учебный план был рассчитан на четыре года и, по несколько туманному уверению руководства, точно соответствовал «университетской программе применительно к предметной системе» [15, с. 236]. Для приема в слушательницы курсов требовалось среднее образование, тогда как вольнослушательницы допускались на них «без всякого образовательного ценза». «Чтение лекций происходит исключительно по вечерам», — сообщал путеводитель, не то привлекая этим женскую молодежь, не то предупреждая ее. Плата за обучение в таких условиях составляла неизменные 100 руб., причем в начале первого полугодия курсисткам полагалось вносить $\frac{3}{4}$ этой суммы.

Перечислять другие частные учреждения высшего образования, отмеченные в справочнике, нет возможности. Всем им свойственен ряд общих черт. Новоиспеченные НУВО, как правило, действовали в «серой» правовой зоне: нередко они утверждали, что «состоят в ведении» того или иного министерства, однако реальный юридический смысл этой формулы остается неясным. Чтобы стать «действительным студентом» НУВО, обычно требовалось иметь среднее образование, но в их вольнослушатели зачисляли едва ли не всех желающих. В любом случае, приемные экзамены в НУВО не проводились, тогда как абитуриентов «старых» учебных заведений ждал либо конкурс школьных аттестатов, либо «поверочные испытания» [15, с. 201].

Плата за обучение в НУВО стояла на уровне самых дорогих государственных вузов. По 100 руб. в год казна взимала со студентов только в Институте инженеров путей сообщения и в Горном институте [15, с. 201, 211], тогда как, например, в Электротехническом институте она ограничивалась 50 руб. [15, с. 206], в Лесном институте и в Военно-медицинской академии — 60 руб. [15, с. 176, 214], в Институте гражданских инженеров — 75 руб. [15, с. 209]. Между тем, для НУВО Петербурга 100 руб. за год занятий было не рекордной суммой. Например, Женские строительные курсы, выпускавшие всего лишь «технически образованных чертежниц», оценивали его в 200 руб. [15, с. 245]. Вероятно, к началу 1910-х гг. молодые учебные заведения с неясной перспективой развития еще не заручились поддержкой благотворителей, охотно помогавших «старым» вузам⁸.

Материальная база частных учебных заведений явно отставала от казенных. Достаточно заметить, что в качестве своего адреса некоторые НУВО указывали квартиры в жилых домах. Так, Женские политехнические курсы располагались в квартире 2 дома № 68 на Загородном проспекте. В том же «доме Целибеева» работал и Институт высших коммерческих знаний. Педагогическая академия Лиги образования арендовала учебные помещения в частной мужской гимназии Я. Гуревича [15, с. 231], Вольный женский университет квартировал в здании Александровской женской гимназии на ул. Гороховой, вечерние Высшие коммерческие курсы размещались в доходном доме Томилина (ул. Садовая, 32) [15, с. 259]. В таких стесненных условиях «приватным» вузам трудно было завести полноценные библиотеки, лаборатории или учебные кабинеты.

Еще важнее, что выпускники государственных учебных заведений удостоивались официально признаваемых дипломов и были «интегрированы» в систему гражданских служебных чинов, тогда как лица, закончившие курс в «вольных университетах», получали формально ничего не значащие свидетельства. Они позволяли искать работу лишь в частном секторе, да и то если для нее закон не требовал иметь казенный диплом. Так, Женская фармацевтическая школа А. Б. Лесневской, где год обучения стоил 175 руб., обещала в случае «успешного прохождения курса» лишь документ, дающий право сдать «при одном из медицинских факультетов» государственные экзамены на звание «аптекарского помощника» [15, с. 239].

Однако, вопреки дороговизне обучения и неясному правовому статусу дипломов, частные вузы Петербурга в 1900-е гг. не сетовали на нехватку

⁸ Впрочем, в «серебряном Петербурге» недешево стоило и среднее образование: год учебы в старших классах частной гимназии Я. Гуревича оценивался в 250 руб., в гимназии Г. К. Штемберга — в 200 руб. За содержание ученика в пансионе при гимназии или реальном училище требовали 500 руб. в год [2, стб. 595—597].

студентов. Если верить их заявлениям, числом обучаемых они подчас не уступали казенным институтам, а то и превосходили их. Конечно, столичный университет с его 8000 слушателей был здесь вне конкуренции, равно как и Политехнический институт, где к 1909 г. училось без малого 3400 человек [15, с. 185]. Однако, например, в Технологическом институте тогда числилось 1800 студентов [15, с. 197], в Институте инженеров путей сообщения — 1100 человек [15, с. 202], в Электротехническом институте и в Институте гражданских инженеров — всего по 700 учащихся [15, с. 206, 209], в Лесном институте — и вовсе 540 студентов [15, с. 214]. В то же время частный Психоневрологический институт в 1909 г. планировал довести контингент слушателей до 1000 человек [15, с. 234], а Вольный женский университет в 1908—1909 гг. уже якобы достиг этой цифры [15, с. 236]. Занятия на Женских политехнических курсах, где год учебы стоил 150 руб., а полный курс длился 5 лет, посещали свыше 700 курсисток [15, с. 242—243]. Открывшиеся в 1906 г. Петербургские сельскохозяйственные курсы, не дававшие «отсрочек по отбыванию воинской повинности», но требовавшие за год занятий непрерывные 100 руб., были готовы принять до 800 студентов [15, с. 251—252].

Демократизм состава слушателей, в частности — широкий допуск в их ряды женской молодежи, был и достоинством, и недостатком вновь возникших в Петербурге НУВО. С одной стороны, они, отвечая объективной потребности модернизации страны, компенсировали чрезмерно элитарный характер большинства казенных учебных заведений, где еще держался дух дворянской сословной исключительности. С другой стороны, наплыв в НУВО «кухаркиных детей» и произвол в составлении учебных планов грозили понизить уровень профессиональных знаний выпускников, девальвировать вузовский диплом — как это и произойдет в «рабфаковские» 1920-е гг. Преобладание в частных вузах коммерчески ориентированных направлений подготовки (педагог, юрист, счетовод) вкуче с высокой стоимостью обучения дают основание предположить, что кое-то из учредителей столичных НУВО пытался банально нажать на тяге престолярной молодежи к ранее недоступным ей знаниям. Однако «университетская» продолжительность курсов (4—5 лет) и привлечение к ним лучших преподавательских сил Петербурга позволяют усомниться в обоснованности таких подозрений.

Следует подчеркнуть, что в 1905—1910 гг. менялась и «казенная» высшая школа, в частности адаптируясь к подспудно шедшему процессу демократизации культурной жизни России. Не отменяя ни «входного контроля» знаний соискателей студенческих вакансий, ни традиционной системы аттестации выпускников, «старые» столичные вузы открывали двери для небогатых слушателей. Им предназначались такие формы социальной поддержки, как «сложение» платы за посещение занятий, дешевые студенческие столовые и лазареты [15, с. 215], кассы взаимопомощи⁹, «комиссии приискания занятий» и «бюро труда», предлагавшие нуждающимся частичную занятость.

Помимо этого, студенты казенных вузов, особенно технических, могли обращаться за стипендиями и пособиями, учрежденными государством, а также филантропами и благотворительными обществами. Число стипендий было невелико: обычно их достаивались не более 5—8 % слушателей

⁹ Например, касса взаимопомощи студентов Политехнического института в течение года выдавала пособия на сумму до 50 тыс. руб.; получатели за их счет оплачивали свою учебу [15, с. 189].

(подсчитано по: [15, с. 199, 202, 205, 207, 211, 214, 217]). Размер стипендии редко превышал 350—400 руб. в год, а пользование казенной стипендией нередко налагало на ее получателя обязательство срочной государственной службы по окончании вуза. Однако в такой небогатой стране, какою Россия была 100 лет назад, это трудно считать вопиющей несправедливостью.

Другим свидетельством позитивных перемен в «старых» вузах Петербурга стала легализация в их стенах демократических форм студенческого самоуправления, ранее безусловно запрещавшихся. Летом 1907 г. Совет министров принял, а император утвердил правила «относительно образования студенческих организаций и устройства в стенах высших учебных заведений собраний»; правда, документ заканчивался приказом выделить дополнительные средства «на усиление в означенных заведениях способов надзора и охраны» [15, с. 141—143]. Как бы то ни было, к 1911 г. студенческие землячества, сходки или комиссии официально действовали в ряде крупнейших вузов [15, с. 189, 199, 211, 215], в частности заведую там столовыми и кассами взаимопомощи. Администрация казенных учебных заведений, в особенности столичного университета, не раз защищала студенческое самоуправление от запретительных циркуляров правительства [26, *passim*].

Наконец, нельзя не признать, что руководители Министерства народного просвещения, которые (за редким исключением) в начале XX в. не отличались дальновидностью и толерантностью, всё же не препятствовали столичной профессуре сотрудничать в негосударственных учебных заведениях. В то же время, «чехарда» министров просвещения (в 1905—1916 гг. на этом посту побывало 6 сановников) сопровождалась сменой политики в области высшего образования и не способствовала его устойчивой эволюции.

Потрясения 1914—1916 и, особенно, 1917—1922 гг. лишили Россию возможности в полной мере ощутить последствия двух встречно направленных процессов — демократизации традиционной высшей школы и развития альтернативных ей негосударственных образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Боргман Иван Иванович // Новый энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1912. Т. 7. Стб. 547—548.
2. Весь Петербург на 1907 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб. : Изд-во А. С. Суворина, б. г. 813 с.
3. Готлиб А. Гимназия // Новый энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1913. Т. 13. Стб. 521—539.
4. Демиденко Ю. Б. Рестораны, трактиры, чайные : из истории общественного питания в Петербурге XVIII — начала XX века. М. ; СПб. : Центрполиграф, 2011. 285 с.
5. Дмитриев А. Статусы знания : (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 108—133.
6. Ендольцев Ю. А. Императорский историко-филологический институт // Нева. 2003. № 7. С. 223—227.
7. Засосов Д. А., Пызин В. И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков : записки очевидцев. М. : Молодая гвардия, 2003. 467 с.
8. Иванов А. И. Высшая школа в России в конце XIX — начале XX века. М. : Наука, 1991. 392 с.
9. Историко-филологический институт // Новый энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1914. Т. 19. Стб. 815.

10. Кандидат // Новый энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1914. Т. 20. Стб. 713—714.
11. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 383 с.
12. Лицей // Новый энциклопедический словарь. Пг. : АО «Изд. дело бывшее Брокгауз-Ефрон», 1915. Т. 24. Стб. 729—733.
13. Милоков П. Н. Воспоминания / под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 1. 438 с.
14. Москва // Малый энциклопедический словарь : в 4 т. 2-е изд. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 3. Стб. 628—629.
15. Новейший путеводитель по С.-Петербургу : с полезными сведениями и указаниями достопримечательностей города. Б. м., 1911. 292 с.
16. Отчет о состоянии Варшавских Высших женских курсов за 1912—1913 акад. год (4-й год существования). Варшава : Тип. «Русского общества», 1914. 169 с.
17. Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге, 1878—1911 гг. / сост. П. С. Яковлев. СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1911. 100 с.
18. Петербург : строительная летопись // Строитель : вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. СПб., 1900. № 11—14. Стб. 511—513.
19. Письма С. Ф. Платонова П. Н. Милокову : окончание / подгот. В. П. Корзун, М. А. Мамонтова // История и историки, 2003 : историографический вестник. М. : Наука, 2003. С. 310—339.
20. Покровский Николай Васильевич // Малый энциклопедический словарь : в 4 т. 2-е изд. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 3. Стб. 1009.
21. Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. М. : Труд, 1901. 750 с.
22. Санкт-Петербург // Малый энциклопедический словарь : в 4 т. 2-е изд. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 4. Стб. 1349—1351.
23. Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губ. / сост. стат. отделом Московского Совета. Вып. 2 : Статистические данные по г. Москве за 1914—1925 гг. М. : б. и., 1926. 281 с.
24. Университеты // Малый энциклопедический словарь : в 4 т. 2-е изд. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 4. Стб. 1827—1829.
25. Форстен (Георгий Васильевич) // Энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 36. С. 304.
26. Rostovtsev Y. A. / Postovtsev E. A. «Борьба за автономию» : корпорация столичного университета и власть в 1905—1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. Idyllwild (CA), 2009. Vol. 2. P. 75—121.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕТАПРЕДМЕТНАЯ

Показывается место и роль метапредметного плана в математической деятельности.

Ключевые слова: математическая деятельность, метапредметная деятельность, общие формы поисково-исследовательской деятельности, обучение математике.

The article shows the place and the role of meta-object aspect of mathematical activity.

Key words: mathematical activity, meta-object activities, general forms of research activity, teaching mathematics.

Математика, являющаяся, по утверждению В. И. Арнольда [1], частью физики, существенно отличается от физики своим *надпредметным* характером, т. е. радикальными абстрагированиями от предметной данности. Более того, она отличается от физики формированием и развитием продуктивных моделей самих способов исследования разнообразных систем.

Надпредметный характер фундаментальных математических понятий, их надпредметное существо, показывает, что, говоря словами Канта, математика занимается не столько предметами, сколько способами познания предметов.

Средства, методы, способы математической деятельности сами становятся предметами математики. В силу этого она, продолжая развиваться как «часть физики», обретает новое качество: продуктами ее развития становятся и общие способы продуктивного математического моделирования.

Процессы превращения методов математической деятельности в ее предмет рождают эффективные и масштабные ее «средства производства», предстающие в форме фундаментальных понятий математики как носителей широкого комплекса познавательных-преобразующих функций. Рациональная форма представления таких понятий, их рациональное существо, их «строгость» открывает широкие возможности моделирования одних из них другими, имеющими иную природу, моделирования одних теорий в рамках других теорий, а тем самым осуществления «подпитки» одних теорий другими. Она открывает и возможности продуктивного моделирования абстрактных теорий конкретными, общих — частными. Такая форма несет возможности далеко идущего развития математической деятельности. Реализация этих возможностей привела к преобразению математики. Продуктами ее развития становятся и общие формы (точнее говоря, мета-формы) и способы (точнее говоря, мета-способы) поисково-исследовательской деятельности.

Сегодня математика предстает не только как «часть физики» и не только как методология этой «части физики», но как область методологии науки, обогащающая ее язык, ее концептуальный аппарат и «техни-

ческие» средства, как носитель широко используемых эффективных орудий поисково-исследовательской деятельности. Сегодня, как никогда ранее, она отвечает имени «*μάθημα*». Этому должно следовать математическое образование. Вместе с тем при всех значительных достижениях в методах обучения математике за последние десятилетия она продолжает представлять в обучении, как школьном, так и вузовском, и даже в обучении будущих учителей математики, лишь как «часть физики».

В обсуждениях, касающихся математического образования, нередко склоняются к сопоставлению «программы-минимум», понимаемой как *овладение* (учащимися) поставляемыми математикой «техническими» средствами, необходимыми для освоения профессии, и «программы-максимум», понимаемой как овладение и такими математическими знаниями, которые несут развитие способностей к освоению общих форм и способов поисково-исследовательской деятельности, способностей к далеко идущему профессиональному и над-профессиональному развитию.

Содержание и дух учебников и учебных программ по математике свидетельствуют о том, что они ориентированы единственно на «программу-минимум». Но применительно к большей части учащихся эти программы утопичны «даже» при такой их ориентации. При том объеме, при том разнообразии материала, который предполагается освоить за весьма ограниченное время, и том уровне его сложности, который предполагается сегодняшними программами для технических, экономических и других вузов (не говоря уже о продолжающем падать уровне школьной подготовки), в лучшем случае можно говорить **не об овладении** студентами всем объемом математических (а значит, и не только математических) знаний, предполагаемых программой, а лишь **о первичном приобщении** к ним.

Казалось бы, в этих условиях попытки реализации «программы-максимум» кричаще утопичны. Но, как это, на первый взгляд, ни парадоксально, именно ориентация в обучении на «программу-максимум» является условием, необходимым для достижения «программы-минимум», и такое обучение реализуемо и в названных выше условиях. (Но конечно, сколь-нибудь полноценная реализация самой «программы-максимум» требует соответствующих ей программ и учебников, а прежде всего преобразования стиля и духа обучения.)

Предполагаемый школьными и вузовскими программами и отраженный в учебниках бытующий «бескорневой» способ приобщения учащихся к строгим понятиям предела функции (в точке, в бесконечности и т. д.), непрерывности (в точке, на промежутке и т. д.), к теоремам о них, к их применениям превращает обучение математике в обучение мертвящему ритуалу или в подобие болезни, состоящей в гипертрофии функционирования иммунной системы. Такое обучение неизбежно сталкивается с трудностями, непреодолимыми для многих учащихся. Прежде всего, это трудность освоения фундаментальных понятий математики, в частности названных понятий, определения которых имеют высокий уровень логической сложности. Неосвоенность определений этих понятий рождает неосваиваемость «корректных» способов решения даже простых задач. Это вынуждает вести обучение на полунтуитивном уровне, не позволяющем полноценно осваивать возможности, несомыые изучаемым математическим аппаратом.

В действительности утверждение, что такое обучение *сталкивается* с названными трудностями, не вполне верно: *оно само порождает эти трудности*. Такое обучение строится на игнорировании природы фундаменталь-

ных математических понятий, на игнорировании того, что они являются продуктами многоуровневых абстрагирований, приведших к *опредмеченному представлению* продуктивных идей, являющихся их истоками и имеющих деятельный характер, что фундаментальные математические понятия являются их *моделями*. Предельно рациональная форма этих понятий, достигнутая посредством радикальных трансцендирований, делает их эффективно работающими моделями этих идей и рождаемых ими способов действий и носителями широкого комплекса познавательных-преобразующих функций, таких как быть средствами ориентировки и мета-ориентировки, быть средствами решения широких классов задач и средствами обоснования решений, быть средствами организации знаний и др. Но такая модельная природа этих понятий скрывает их происхождение, скрывает деятельный характер, деятельный смысл этих идей, их надпредметное существо. Естественным средством эффективного освоения фундаментальных математических понятий, средством, несущим преодоление, более того — снятие сложностей, о которых сказано выше, и «превращающим» эти понятия в «наследников» надпредметной природы, а тем самым деятельного существа идей, явившихся их истоками, выступает участие студентов в процессах формирования этих понятий как в процессах восхождения к ним от их истоков. Такие процессы являются процессами восхождения на теоретический уровень математической деятельности. *Освоение ведущих строгих математических понятий требует методов, соответствующих с их природой, с тем множеством важных ролей, которые они играют в математической деятельности.* Следование этому и принципам обучения, о которых говорится в [8]¹, превращает трудности обучения, неизбежные при бытующем подходе к обучению математике, в движущую силу математического и общего интеллектуального развития студентов и старших школьников.

Сегодня осознана необходимость такого образования, которое направлялось бы на развитие способностей к разнообразным формам поисково-исследовательской деятельности, на формирование способностей к порождению знаний и проектированию новых способов их употребления [15]. Этому, гуманитарной направленности образования, отвечает такое обучение математике, которое ведет к приобщению учащихся к характерным для нее формам деятельности как к продуктивным *моделям общих форм и способов поисково-исследовательской деятельности* (ср.: [2]). Такое обучение не может не следовать названным принципам. А значит, оно не может не предполагать возрастания роли теоретического начала. Его «эпицентром» должно быть обращение к фундаментальным математическим понятиям, **к процессам их формирования, применений и развития.**

Но обращение к фундаментальным математическим понятиям еще не означает, что учебная деятельность обретает теоретический уровень. Для этого такие понятия должны выступать в учебной деятельности не только как средства решения соответствующих задач. Они должны выступать как продукты процессов их формирования, освоения и развития². Они сами должны быть

¹ См.: [6, 7, 9, 13]. В [5, 7, 10, 13] приводятся сценарии занятий, воплощающих эти принципы.

² Иначе говоря, работа строгого понятия не самого по себе, а в соотносительности его с процессом его формирования, открывающим, сильнее говоря — формирующим, его природу, становится работой теоретического мышления.

предметом изучения как носители надпредметного начала. А для этого должна осуществляться *надпредметная* деятельность. Более того, для этого должна осуществляться более высокого уровня *метапредметная* деятельность, направленная на постижение способов действий, участвующих в надпредметной деятельности, а тем самым на постижение общих способов действий, участвующих в разных формах предметной деятельности. (Надпредметная деятельность и более высокие уровни метапредметной деятельности сами могут иметь многоуровневый характер³. Степень такой многоуровневости характеризует уровень теоретической деятельности.) Освоение математической деятельности теоретического уровня, освоение теоретического мышления не может не предполагать метапредметной деятельности, ее освоения. Такая деятельность представляет существо теоретического мышления в математической деятельности в силу метапредметной природы, метапредметного существа последней. Такая учебная деятельность становится подобной научной деятельности и прямым образом работает на формирование способностей к порождению знаний и проектированию новых способов их употребления.

Фундаментальные математические понятия являются «отражениями» не «внешнего мира», а развивающихся способов самого «отражения». В этом объяснение их роли носителей метапредметного начала. В этом и объяснение необозримой широты их применения. В этом продуктивность такого обучения математике, стержневым началом которого является формирование, освоение и развитие фундаментальных математических понятий и как ведущего предмета, и как «средств производства» математической деятельности. Такое обучение ведет учащихся к освоению математической деятельности как представляющей продуктивные модели общих форм и способов поисково-исследовательской деятельности. Такое обучение ведет их к освоению теоретического уровня мышления.

Процессы восхождения к фундаментальным математическим понятиям, отправляющиеся от задач, к ним приводящих, и помогающие воспринять существо этих понятий, «скрываемое» их абстрактной формой, показывают и способы применения таких понятий, и необходимые направления их исследования. Такие процессы как процессы метапредметного уровня несут приобщение учащихся к продуктивным образцам поисково-исследовательской деятельности стратегического уровня. Тем самым они несут развитие способностей к метапредметной деятельности.

Важно и то, что фундаментальное понятие становится продуктивным «посредником» между понятиями, ситуациями, значимыми задачами, послужившими его истоками. Оно «сближает» их, открывая возможность их взаимного моделирования. И потому не только в нем самом, но и в понятиях частных по отношению к нему выявляется метапредметное начало. Все предметное содержание математики пребывает в соотнесенности с общими формами и общими механизмами математической деятельности. Более того, оно само представляет эти общие формы и механизмы. И тем самым оно пронизывается метапредметным началом. Выступая и как «часть физики», и как методология поисково-исследовательской деятельности, математика функционирует в форме взаимодействий и взаимопревращений этих ее «ипостасей».

³ С представлениями о метапредметной деятельности естественно соотнести три уровня абстракции (=моделирования), рассматриваемые в [14].

Осваиваемые метапредметные знания и умения становятся праксиологическими знаниями. Существенно и то, что они превращаются в *метакогнитивные* механизмы, т. е. в механизмы управления ходом текущей интеллектуальной деятельности. Это ведет к далеко идущему ее развитию.

Введенные в рассмотрение Н. В. Громыко метапредметы — это *«новая образовательная форма, которая выстраивается поверх традиционных учебных предметов»*. Это *«учебный предмет нового типа, в основе которого лежит... принцип рефлексивного отношения к базисным организованностям мышления — “знание”, “знак”, “проблема”, “задача”»* [3]. Представляется, что к базисным организованностям мышления естественно и важно относить и базисные формы самих процессов мышления, что к ним естественно и важно относить общие формы математической деятельности.

Процитированный текст естественно соотнести со следующим: *«Формирование строгого понятия, отправляющееся от протопонятия, от размытых представлений, являющихся его истоком, представляет собой процесс “деконструкции” этих представлений, процесс отделения способа действий от его “тела”. Становясь предметом исследования, он становится процессом “деконструкции” самого способа мышления, отделения этого способа мышления от его “тела”, от тех способов действия, из которых он строится, от тех тактик внимания, которые его направляют, от той конкретной цели, к которой он направлен. Так рождается метасистемный компонент научной математической деятельности. Так рождается “внутренний” метасистемный компонент и системы обучения математике, деятельность которого направлена на постижение специфики математической деятельности, ее природы, ее методологии. Он, в свою очередь, открывает возможность формирования “внешнего” метасистемного компонента, деятельность которого направляется на исследование связей с системами обучения другим предметам, на раскрытие родства их методологий, единства законов их развития. И это открывает возможность превращения математического развития учащихся в их общее умственное развитие»* [9, с. 48] (см. также: [12]). Этот текст показывает не только близкое к [3] отношение к идее метапредмета, но и существенное различие в понимании способа ее воплощения в обучении: в [9], в отличие от [3], утверждается, что метапредметная деятельность должна реализовываться в обучении не только как *«образовательная форма, выстраиваемая поверх традиционных учебных предметов»*. Пронизывание обучения такой деятельностью, способствование формированию и развитию механизмов такой деятельности учащихся является необходимым средством успешного освоения предметного содержания курса математики, а потому и необходимым средством приобщения учащихся к метапредметам как к более высокой образовательной форме [5, 6, 7, 9, 11].

Сами механизмы метапредметной деятельности являются эффективными «средствами производства» деятельности на предметном уровне, средствами прорастания *в ней самой* деятельности метапредметного уровня. И поэтому обучение математике должно быть построено так, чтобы не только при изучении метапредметов, но уже начиная изучать важнейшие понятия, определяющие ту или иную предметную область математического знания, учащийся прослеживал их происхождение, т. е. активно участвовал в процессах формирования таких понятий. Но этого мало: обучение математике должно быть построено так, чтобы такие понятия выступали не только как продукты метапредметной деятельности, но и как ее орудия.

Пронизывание обучения метапредметной деятельностью ведет к развитию механизмов понимания, необходимому для снятия трудностей, с которыми сталкивается обучение математике. Метапредметные представления входят в механизмы понимания. Уже надпредметная деятельность ведет к их развитию, к вызреванию механизмов *культурного понимания* в смысле [4]. Метапредметная деятельность более высокого уровня ведет к более высоким уровням понимания [11, 12]. Она способствует рождению *творческого понимания* в смысле [4] и тем способствует формированию способностей к порождению новых знаний.

Таким образом, ориентация в обучении математике на «программу-максимум» необходима для достижения «программы-минимум». Более того, чтобы вузовская подготовка специалистов отвечала современным требованиям, необходимо, чтобы учебная деятельность пронизывалась развивающимся метапредметным началом как необходимым средством освоения не только изучаемого предметного содержания, но и самой метапредметной деятельности. Сказанное относится и к обучению математике в старшей школе.

Восхождение от надпредметного уровня к более высокому уровню метапредметной деятельности возможно и целесообразно уже на «предметной» (на «физической») содержательной базе. Осуществляя надпредметную деятельность на разном предметном математическом материале, учащийся делает предметом своего осознанного отношения и логику процессов формирования понятий, представляющих разные предметные области, и способ системной работы с этими понятиями как носителями широкого комплекса познавательно-преобразующих функций⁴. Он «распредмечивает» этот материал, постигая через него, постигая в нем «первомеханизмы» поисково-исследовательской деятельности и рождаемые ими, их совместной работой, новые ее механизмы.

Обучение математике, направленное на приобщение учащихся к общим формам и способам поисково-исследовательской деятельности, не может не следовать принципу «от неразвитого *целого* — к развиваемому и преобразуемому *целому*» как ведущему принципу обучения математике (см.: [5, 6, 7, 9]). Метапредметная деятельность несет в себе следование этому принципу.

Сосредоточение на метапредметной стороне дела, рассматриваемой в наивной деятельностной форме, уход от поспешного формирования понятий, даже таких, которые представляли бы напрашивающиеся продуктивные обобщения, как бы уход, кажимость ухода от задачи развития у учащихся теоретического мышления, позволяет уже на самой элементарной математической базе поистине высвечивать продуктивные формы работы механизмов математической деятельности и открывает возможность их более полноценного освоения и развития, возможность более эффективного освоения метапредметной деятельности и посредством этого восхождения на теоретический

⁴ Такая деятельность, метапредметная по отношению к математической деятельности (и являющаяся предметной деятельностью по отношению к исследуемому метапредметному содержанию как новому предмету математической же деятельности), является мета-мета-предметной деятельностью, т. е. мета-деятельностью второго уровня по отношению к прикладному содержанию. Но, став освоенной, она становится по отношению к нему просто метапредметной деятельностью, или мета-деятельностью первого уровня, поскольку начинает играть роль направляющего, стратегического начала, мета-начала в прикладной деятельности напрямую, без посредствующих уровней деятельности.

уровень мышления и более полнокровного его освоения⁵. Ведь только на стадии рождения интуитивной идеи, явившейся истоком «строгого» понятия, и ее первичного использования зримо предстает ее метапредметное существо. В сформированном понятии, в его превращенности в «обиходное» орудие поисково-исследовательской деятельности это существо опредмечивается и потому пребывает в скрытой форме. Все это говорит не только о важности, но о необходимости «наивных» форм мышления, «наивных» средств на всех уровнях обучения математике. Такие средства являются необходимым компонентом теоретического мышления, представляющего многомерный комплекс разных форм и механизмов мышления.

Таким образом, правда не в отказе от «наивных», «низших», или «высших» форм мышления, а в активной работе и тех и других, в их активных взаимодействиях.

Протопонятия, «наивные» формы мышления должны участвовать в учебной деятельности не только на начальных стадиях восхождений к строгим понятиям. Они должны в ней участвовать и развиваться, взаимодействуя с «высшими» формами мышления, на всем последующем ее протяжении как неотъемлемые компоненты теоретического мышления, обеспечивающие его полнокровное функционирование и развитие. К тому же возможности, несомыые строгим понятием, не исчерпывают тот орудийный потенциал, который заложен в его истоках.

Направленность обучения математике на формирование способностей к порождению знаний и проектированию новых способов их употребления требует активной работы допонятийных форм мышления, являющихся носителями эвристического потенциала. Она невозможна без активной работы эмпирического мышления (хотя бы потому, что многие общие математические понятия открываются как общие «внешние» формы способов решения тех или иных классов «разноприродных» задач). Использование его лишь как эпифеномена учебной деятельности явно недостаточно. Процесс овладения методом, как и процесс формирования навыка, — это и рутинная работа, которая, как было сказано выше, направлена на развитие координации действий. Она приводит к скачку — продукту кристаллизации «стандартных блоков» операций и действий и их свертывания, к превращению этих блоков в элементарные действия, приводящему к развитию «дальновидения» и «дальнодействия» мышления и тем способствующему овладению более сложными и более масштабными формами поисково-исследовательской деятельности. Таким образом, и рутинная работа является необходимым компонентом, необходимым средством развития способностей к поисково-исследовательской деятельности, необходимым средством прорыва на более высокий ее уровень, необходимым средством ее преобразования. И «замшелые» традиционные средства обучения, работающие в рамках многоаспектной и многоуровневой учебной деятельности, преобразуют свой «дух» и форму работы и становятся органичными и эффективными средствами этой деятельности.

Из сказанного, конечно, не следует, что, в отличие от укоренившихся подходов к обучению, изучение математики как «части физики» должно играть лишь вторичную роль. Дело не только в ее общеобразовательной

⁵ Согласно Х. Вернеру, «возврат (регрессия) к примитивным формам познания в определенных условиях является необходимым механизмом дальнейшего развития» (цит. по: [17, с. 86]).

необходимости и ценности достижений. Оно и в том, что математика как носитель продуктивных общих форм и способов поисково-исследовательской деятельности не может осваиваться иначе, чем как «часть физики», как направления и формы деятельности, создающие необходимые для этого интеллектуальные механизмы, как средства освоения таких форм деятельности, являющихся сложными многоаспектными целостностями, как процессы, сопровождающиеся превращениями внутренних форм. Математика должна осваиваться как взаимодействие «части физики» и «чистой» методологии поисково-исследовательской деятельности. Такое обучение способствует формированию и развитию способностей к метапредметной деятельности, а тем самым формированию и развитию теоретического мышления, способствует общему интеллектуальному развитию и развитию способностей к порождению знаний и проектированию новых способов их употребления.

Подход к такому обучению должен предполагать радикальное преодоление «великой иллюзии... веры в рациональную природу человеческого интеллекта» [16, с. 51], преодоление широко распространенного предрассудка, что обучение математике — это обучение специфической «левополушарной» деятельности. Мышление — это процесс взаимодействий взаимно дополнительных механизмов. Математическая деятельность, даже элементарного уровня, отличается особой интенсивностью таких взаимодействий, взаимными превращениями «высших» и «низших» форм мышления, особым характером координаций участвующих в ней механизмов [9]. За формами и способами математической деятельности скрываются и общие формы и способы поисково-исследовательской деятельности, и глубокая специфика работы ее «средств производства», взаимодействия высокой рациональности и внерациональных форм мышления (это зримо проявляют исторические процессы становления фундаментальных математических понятий), следование правилу и поиск, рутинная и творческая.

«Математика — часть физики. Физика — экспериментальная, естественная наука, часть естествознания. Математика — это та часть физики, в которой эксперименты дешевы», — писал В. И. Арнольд [1, с. 175]. Он был одним из немногих ученых, считавших математику экспериментальной наукой. Его выдающиеся исследования, как и исследования его гениального учителя А. Н. Колмогорова, служат объяснением такой его позиции. Но и безотносительно к тому, является ли математика частью физики, тезис, что математика — экспериментальная наука, истинен. Более того, *всякая наука* (кроме разве лишь тех, которые истинны потому, что всепобеждающие) *экспериментальна* в следующем естественном смысле. Научная деятельность — это деятельность поисково-исследовательская, характеризующаяся не только своим предметом, но и испытаниями тех или иных установок, гипотез, стратегий поиска, строящихся моделей, тех или иных тактик внимания и т. д., т. е. экспериментами. Наконец, поиск оптимального варианта организации текста, представляющего продукт такой деятельности, — это тоже эксперимент. («Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды» — это и о таком эксперименте.)

Одна из важных задач всякой науки — сохранение ее достижений посредством эффективного системного их представления, являющегося необходимым условием ее дальнейшего развития, сохранение их как Живого Знания, а значит, воспроизводство носителей ее достижений. Применительно к математике — это задача формирования и развития продуктивного

математического образования. Она не может решаться без обращения к педагогическим экспериментам, включающим естественно-научные и психологические планы. Так, в широко и системно ставящихся экспериментах нуждается решение задачи полнокровного воплощения в математическом образовании «программы-максимум».

Но не рискованно ли надеяться на дешевизну таких экспериментов, долженствующих предполагать пересмотр самих дидактических принципов? Не приведет ли стремление к их удешевлению, как и стремление к удешевлению образовательной системы, к дешевой цене его творческих продуктов и дорогой цене последствий их реализации?

Библиографический список

1. Арнольд В. И. О преподавании математики // Успехи математических наук. 1998. Т. 53, вып. 1 (319). С. 175—184.
2. Боровских А. В., Розов Н. Х. Деятельностные принципы в педагогике. М. : МАКС пресс, 2010. 80 с.
3. Громыко Н. В. Метапредметный подход как ядро российского образования. URL: <http://uch.znate.ru/docs/1733/index-4587.htm> (дата обращения: 15.02.2014).
4. Зинченко В. П. Психологические основы педагогики. М. : Гардарики, 2002. 432 с.
5. Когаловский С. Р. К методологии преобразующего обучения : (обучение школьников математике). Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 425 с.
6. Когаловский С. Р. К проблеме модернизации математического образования // Школьные технологии. 2011. № 6. С. 93—99.
7. Когаловский С. Р. К проблеме модернизации математического образования. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 118 с.
8. Когаловский С. Р. Математическая деятельность и понятие модели // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 2. С. 28—40.
9. Когаловский С. Р. О ведущих планах обучения математике // Педагогика. 2006. № 1. С. 39—48.
10. Когаловский С. Р. Понятие модели и математика : ч. 2 // Школьные технологии. 2013. № 5. С. 65—74.
11. Когаловский С. Р., Кудряшова Т. Б. О возможностях взаимодействия языков философии и математики в педагогической практике // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 2. С. 31—41.
12. Когаловский С. Р., Солдатова В. В. Мета-интеграция как средство совершенствования подготовки учителей // Инновации в психолого-педагогической теории и практике : материалы международной научной конференции / ШГПУ. Шуя, 2001. С. 333—335.
13. Когаловский С. Р., Шмелёва Е. А., Герасимова О. В. Путь к понятию: от интуитивных представлений — к строгому понятию / Ивановский областной институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров. Иваново, 1998. 206 с.
14. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. М. : Радуга, 1983. С. 90—101.
15. Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. № 1. С. 57—84.
16. Холодная М. А. Психология интеллекта. СПб. : Питер, 2002. 264 с.
17. Чуприкова Н. И. Психология умственного развития : принцип дифференциации. М. : Столетие, 1997. 470 с.

ББК 87.22

О. Б. Куликова

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

Дана общая характеристика эволюционной эпистемологии, показана специфика идей ведущих ее представителей. Подчеркивается ее антропологический исследовательский потенциал. С учетом этого обосновывается интегративная роль эволюционной эпистемологии в сфере философской мысли, а также в отношениях философии и естествознания.

Ключевые слова: эволюционизм, познание как способ выживания, человек как субъект познания, познавательная активность, наука, априорное знание, антропологизация эпистемологии.

The article presents the general characteristic of evolutionary epistemology, the specific character of the ideas of its chief representatives is shown. Its anthropological research potential is emphasized. The integrative role of evolutionary epistemology in the sphere of the philosophical thought, as well as in relations philosophy and natural science, is substantiated.

Key words: evolutionism, cognition as the way of survival, science, human being as the subject of cognition, cognitive activity, science, a priori knowledge, anthropologization of epistemology.

Эволюционная эпистемология (называемая также эволюционной теорией познания и биоэпистемологией, а в более широком смысле — неodarвинизмом) занимает весьма заметное место в современной философии и науке. В 80-е гг. XX в. международное признание данной школы можно считать состоявшимся. Активное участие в разработке ее идей приняли как представители различных отраслей естествознания (К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Г. Фоллмер), так и философы (К. Поппер, Э. Эзер (E. Oeser), Ст. Тулмин и др.). Новая исследовательская программа открыла возможности для построения разных вариантов интерпретации процесса познания и его результатов на основе идеи эволюции. Духовными предшественниками данного направления исследований, как отмечают сами его представители, были Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Кант, У. Джеймс, Э. Мах и даже А. Бергсон.

Для сторонников эволюционно-эпистемологического направления идея эволюции выступает объяснительным принципом в построении в первую очередь теории познания. Эволюция человека как вида отождествляется с развитием его познавательных способностей и ростом производимых им знаний о мире. Более того, все живое рассматривается как видовое разнообразие именно когнитивных приспособительных практик, а также тенденций их изменения. Признается соотносительность факторов внешнего воздействия и изменений в организме как познавательном инструменте.

Познавательная активность человека с позиций эволюционно-эпистемологической платформы предстает как многонаправленный способ выживания, он осмысливается в широком антропологическом поле. Обосновывается не просто идея роста познавательного потенциала человека, а идея

естественной активности человека в познании, обуславливающей все другие формы его активности и перспективы существования.

Человек признается наиболее эффективным вариантом развития познавательного поведения в природе. Причем речь идет о человеке и в индивидуальном и в видовом выражении. В последнем случае имеется в виду главным образом научное познание и знание. Развитие научной деятельности рассматривается как эволюция коллективных форм познания в контексте глобальной эволюции.

Все перечисленное заметно отличает программу эволюционной теории познания от классической гносеологии. Надо сказать, что сторонники программы не отвергают фундаментальные традиции последней. В этом ряду не отвергается и теория отражения. Но с позиций эволюционной эпистемологии отчетливее просматривается ее объяснительная ограниченность, а именно неспособность обосновать то, как возможно соответствие отражаемого и отражающего.

Данная проблема была поставлена в рамках эволюционно-эпистемологической школы изначально. По крайней мере, основатель школы австрийский этолог К. Лоренц постулировал: за всеми восприятиями мира лежит некое соответствие их реальности, существующей вне нас. Он исходил из того, что познавательные способности человека имеют естественное происхождение и реальны в той же степени, в какой реален сам внешний мир [2, с. 260].

Более определенно эту мысль высказал немецкий физик и философ Г. Фоллмер: «Субъективные и объективные структуры соответствуют друг другу таким образом, что только совместно и делают возможным познание» [8, с. 36]. И более того, такое согласование делает возможным само выживание человека [9, с. 131].

Еще один сторонник эволюционной программы в теории познания, К. Поппер, рассматривает, например, восприятия как такие тропинки знания, которые могут приводить и к заблуждениям, поскольку они не являются «фотографиями», а определяются интерпретациями субъекта в соответствии с его целями и интересами [6, с. 22]. Признавая процесс приобретения знаний неким природным (биологическим) процессом, Поппер, тем не менее, подчеркивает принципиальное отличие между тем, как это происходит на уровне простейших организмов и на уровне человека. «...Различие между Эйнштейном и амебой... заключается в том, что Эйнштейн *сознательно стремится к устранению ошибок*. <...> Амеба же не может критиковать свои ожидания или гипотезы... (Критике доступно только объективное знание...)» [7, с. 34].

Для него познавательная деятельность предстает движением в поле предположений, гипотетических суждений, которые субъект постоянно пытается столкнуть с действительностью, «затем улучшить их, сделать их ближе к действительности» [6, с. 24—25]. Тем самым подчеркивается ключевая роль не неких отражательных процедур (видимо, в определенной мере имеющих место быть), а взаимосогласования природной среды и познающего ее человека. Человек не столько отражает, сколько выражает степень своих природных и социальных способностей к построению собственной жизненной ниши (собственного мира).

В модели К. Лоренца, в свою очередь, можно выделить особо положение о присущей человеку уверенности в соответствии его познавательных способностей внешнему миру. Главная идея австрийского этолога — идея эволюционно сформированного у человека доверия собственным органам чувств, или врожденного умения отделять свои внутренние состояния от образа внешнего мира [2, с. 251].

Продолжая эту общую для эволюционной эпистемологии мысль, американский последователь школы К. Хахлвег (K. Hahlweg) определяет познание как обретение человеком состояния устойчивости в отношениях с миром, повышение возможности управления миром. Он пишет: «Уже механизм восприятия ясно обнаруживает эту необходимость создания устойчивости в существенно неустойчивом мире», а далее уточняет, что устойчивость не является чем-то данным, «ее приходится конструировать» [10, с. 187]. Познание в понимании этого автора предстает уже процессом взаимодействия с миром, а в историческом развитии — возрастающей способностью управления взаимодействиями с миром [10, с. 189].

Рассуждая в логике собственно эволюционизма, представители рассматриваемой эпистемологической школы признают общий прогресс познания и познавательных способностей человека, признают важнейшим фактором этого прогресса естественный отбор, но без какого бы то ни было заранее заданного, а тем более окончательного, результата.

Так, Г. Фоллмер прямо заявляет, что рассматривает как результат эволюции, т. е. приспособления к внешней среде, не только органы чувств, но и сами функции восприятия и познания [8, с. 42]. Он подчеркивает также то, что любое приспособление организмов к окружению «не бывает идеальным», но «не может быть также и плохим». Это относится и к познанию, а в его концепции — к достижению соответствия субъективных познавательных структур и объективных структур. Соответствие «должно быть адекватным выживанию», но «полная изоморфия не нужна и невозможна» [8, с. 42, 43—44].

Сходным образом рассуждает и К. Хахлвег, который считает, что понятие «прогресс» надо использовать с осторожностью, считая его некорректным в неантропологическом смысле [10, с. 178, 180, 181]. По мнению философа, стоит говорить преимущественно о прогрессе физиологических, анатомических и поведенческих возможностей индивидов, но из этого еще не следует, что данный вид обладает большей выживаемостью по сравнению с другими. «...Если мы хотим понять познавательный прогресс, — пишет он, — мы также должны принять во внимание род окружающей среды, благоприятствующей познавательным возможностям» [10, с. 181]. Таким образом, нужно учитывать, что окружающий мир сам активно участвует в отборе релевантных характеристик вида, включая характеристики познавательной активности.

Человек в этом плане превосходит все другие виды тем, что формирует особо организованную сферу познания — науку, и ее прогресс, по определению К. Хахлвега, есть «совершенствование когнитивной компетенции вида *Homo sapiens*», а точнее его способности управлять своими взаимодействиями с миром [10, с. 180, 189]. Сходным образом рассуждает и австрийский представитель биоэпистемологии Э. Эзер, который называет науку механизмом выживания второго порядка, опирающимся на выработанные эволюцией реактивные схемы и обеспечивающим виду более успешную деятельность [11, с. 41].

Определенной спецификой обладают в данном отношении взгляды К. Поппера. В ранних своих работах Поппер уже использовал дарвиновскую идею отбора применительно к описанию и объяснению роста научного знания. Позже объяснительный потенциал эволюционной теории он расширил, применяя его к познавательной деятельности в целом. Познание он рассматривает в качестве способности организма активно адаптироваться во внешнем мире, способности испробовать мир для выживания, искать в нем лучшего способа жизни [6, с. 23].

Особое место в сфере исследований эволюционной эпистемологии занимает проблема априорного знания. К. Поппер говорит о жизненной необходимости априорного знания и дает его характеристику в духе своей концепции. Всем теориям познания Поппер категорично противопоставляет такой тезис: «Все знание по своему содержанию априорно, собственно априорно генетически» [6, с. 18]. В этом плане он даже критикует дарвиновские идеи естественного отбора и борьбы за существование. Приспособление для него и есть форма априорного знания. Раз жизнь существует, значит, в нее должно быть встроено знание. «...В жизнь, — пишет К. Поппер, — с самого начала должно быть встроено предвосхищение условий окружающей среды на довольно длительное время». И конечно, «условия окружающей среды должны быть относительно стабильными» [6, с. 20]. Здесь надо отметить, что К. Поппер, по сути, отождествляет природную эволюцию и развитие познавательного процесса.

Наличие априорного знания признавали и К. Лоренц, и Г. Фоллмер, и другие биоэпистемологи. Так, К. Лоренц говорит о феномене гештальт-восприятия как образа-конструкции, параметры которого задаются исходными особенностями центральной нервной системы, а также об априорности определенных мыслительных операций, а все вместе они, по выражению ученого, «несут в себе печать истории и произошли под воздействием отбора» [3, с. 16—17].

При этом не все представители биоэпистемологической школы единодушны в понимании того, что есть само по себе априорное знание и насколько оно имеет отношение к разным уровням миропорядка. Например, по мнению специалистов, фоллмеровское априорное знание состоятельно только в пределах так называемого мезокосмоса [1, с. 129].

В концепции К. Поппера всеобщее знание, наличествуя ранее текущего, предстает как фундаментальное знание, как знание законов природы, которое, однако, несамодостаточно, неосознанно [6, с. 20, 24]. Оно носит, согласно его представлениям, характер предугадывания, ожидания, предвосхищения, предположения. Таким образом, делается попытка оправдать научное познание за возможные в его ходе заблуждения.

Надо признать определенную справедливость попперовского фаллибилизма, а точнее умеренно-скептического отношения к результатам человеческого (научного, прежде всего) познания. Ведь адаптированность познавательных способностей человека к соразмерным с ним внешним явлениям еще не гарантирует аналогичной адаптированности к тому, что есть «большой мир» (Вселенная, Космическое целое, Мироздание), а также и несопоставимый с ним «малый мир» (необозримый и невидимый мир элементарных частиц). Надо учитывать и то обстоятельство, что человек всегда выходит за пределы непосредственного чувственного опыта, конструируя различного рода модели объяснения, обоснования, понимания. Очевидная избыточность познавательных способностей человека, а также объема производимых им знаний — избыточность в отношении к возможностям их практического применения — не вполне укладывается в объяснительные рамки биоэпистемологии.

Если согласиться с тезисом о соответствии субъективных структур познания внешним природным условиям, то встает вопрос: как быть с изменениями парадигмальных структур науки? Как объяснить многонаправленность, негарантированную истинность коллективного познания? Означает ли это, что коллективные структуры познания выступают менее адаптивными?

Постановка данных вопросов вполне логична в парадигме эволюционной теории познания.

Среди отечественных представителей эволюционно-эпистемологического направления следует отметить И. П. Меркулова, который разрабатывал проблемы взаимосвязи генетической и культурной эволюции человеческих познавательных структур [4, 5]. Благодаря человеческой когнитивной эволюции, как утверждает этот автор, возникли «*новые социальные факторы естественного отбора*», а с другой стороны, «*культурная эволюция оказывает сильное селекционное давление на биологическую (когнитивную) эволюцию человеческих популяций*» [4, с. 69]. Человек мыслится здесь как существо, не просто сочетающее в себе природные и социокультурные (надприродные) черты, но определяющее в силу этого ход глобальной эволюции.

В целом необходимо отметить высокую идейную продуктивность эволюционно-эпистемологической программы. В соответствии с ней человек познающий рассматривается как активное начало, с необходимостью и непрерывно нацеленное на поиск новых возможностей взаимодействия с миром. Эволюционная эпистемология, выражая собой тенденцию к антропологизации современной эпистемологии, может считаться своеобразным фокусом проблем, имеющим отношение к различным областям философского знания (онтологии, философии познания, философии и методологии науки и др.). Это также наиболее перспективная платформа для единения естествознания и философии, единения через идею эволюционизма как человекообразного принципа.

Библиографический список

1. *Круглов А. Н.* О происхождении априорных представлений у И. Канта // *Вопр. философии.* 1998. № 10. С. 126—132.
2. *Лоренц К.* *Оборотная сторона зеркала* / пер. с нем. А. И. Фёдорова, Г. Ф. Швейника. М. : Республика, 1998. 393 с.
3. *Лоренц К.* Эволюция и априори // *Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия.* 1994. № 5. С. 11—17.
4. *Меркулов И. П.* Эволюционирует ли человеческое сознание? // *Философия науки.* М. : ИФРАН, 2006. Вып. 12. С. 45—69.
5. *Меркулов И. П.* Эволюционная эпистемология: история и современные подходы // *Эволюция, культура, познание.* М. : ИФРАН, 1996. С. 6—21.
6. *Поппер К.* Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания // *Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия.* 1994. № 5. С. 17—25.
7. *Поппер К. Р.* *Объективное знание. Эволюционный подход.* М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
8. *Фоллмер Г.* Мезокосмос и объективное познание // *Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия.* 1994. № 6. С. 35—56.
9. *Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки : пер. с нем. М. : Русский Двор, 1998. 165 с.
10. *Хакслег К.* Системный подход к эволюции и эволюционной эпистемологии // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : учебная хрестоматия.* М. : Логос, 1996. С. 178—198.
11. *Эзер Э.* Динамика теорий и фазовые переходы // *Вопр. философии.* 1995. № 10. С. 37—44.

ББК 87.821.41

М. Матсар

**ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
ЖАНРОМ НАТЮРМОРТА
(На материале живописи Т. Мишиной)**

Исследуются возможности живописи в воспроизведении структуры отношения человека к пространству согласно иерархии жанров. Выявляя особенности жанра натюрморта, автор обращается к творчеству московской художницы Т. Мишиной.

Ключевые слова: гносеология, философия искусства, пространственность, восприятие, живопись, натюрморт, Т. Мишина.

The author analyzes the possibilities of painting in the reflection of the structure of the human relation to the space according to the hierarchy of genres. Bringing out the features of still life, the author turns to the works of the Moscow artist T. Mishina.

Key words: gnoseology, philosophy of art, spatiality, perception, painting, still life, T. Mishina.

Б. Випперу принадлежит высказывание, что натюрморт не только художественная задача, но и целое мировоззрение. Трудно не согласиться с этими словами знаменитого теоретика искусства. Жанр натюрморта кажется простым, но скорее для зрителя непосвященного; его часто эксплуатируют в учебных целях, но тем труднее перешагнуть рубеж ученичества; те, кому это удастся, оказываются один на один с вопросами мировоззренческого и теоретико-познавательного порядка, в том числе — с проблемой возможностей живописи в постижении пространственных связей.

Как и любой другой жанр живописи, натюрморт является своеобразной моделью пространственности. В этом случае уже не пространство в его физическом смысле интересует художника, а пространство, воспринятое человеком, — и пространство, в котором человек выступает единицей масштаба. Дело здесь не только в объемном видении и методах проецирования его на плоскость. Речь идет о структуре отношения человека к пространству, которая моделируется живописью посредством иерархии жанров. Тогда чувство соразмерности человека пространству может быть выражено в жанре интерьера, а из нарушения его рождаются как пейзаж, так и натюрморт. Жанр портрета, с его обращенностью к внутреннему пространству человека, в этом смысле стоит несколько особняком.

К основам живописного постижения пространственных отношений обращена и московская художница Татьяна Мишина, что позволяет говорить о ней как о зрелом мастере, несмотря на то что в художественной жизни она участвует относительно недавно. Безусловным достоинством, привлекающим внимание к картинам Мишиной, является овладение ею стихией живописи. Это очень значимо в контексте культуры сегодняшнего дня, постоянно подвергающей сомнению саму возможность живописного опыта. По мере развития цифровых технологий, позволяющих сочинять изображения каждому, живописи становится все сложнее конкурировать с новыми способами изобразительности —

© Матсар М., 2014

и по силе эмоционального воздействия, и в качестве носителя визуальной информации, и как художественной системе. Вот почему такой важной оказывается обращенность Т. Мишиной к сущностным характеристикам живописи. Сюда относится прежде всего цвет — но цвет, явленный через краску, вещество абсолютно-пластическое, и цвет в его данности посредством моторики жеста художника, позволяющей создавать неповторимость фактурной поверхности картины, подчеркивающей ее материальную подлинность в противовес виртуальности цифрового пространства. Живописная стихия Мишиной реализуется в различных жанрах; она следует традиционному подходу классической живописи к их различению. Обращается она также к нефигуративной изобразительности. Натюрморт является одним из ее любимых жанров.

Понятно, что натюрморт как таковой, как жанр классической живописи изображает мир вещей, «тихую жизнь» предметов нашего обихода; их предметность как раз и подчеркивается масштабом. Предметы предстают меньшими по отношению к человеку. Это «доминирование» человека над вещами, их «утилитарность» снимается в системе живописи через эстетико-художественное отношение, через обращенность к особенностям ее языка, а в живописи Т. Мишиной — прежде всего благодаря смелым колористическим решениям, подчиняющим себе воспроизведение форм в пространстве. Но ее натюрморты ни в коем случае нельзя назвать декоративными. Наслаждаясь яркостью красок, разнообразием палитры, пластичностью цветовых пятен и внутренней логикой их взаимоотношений, художница, тем не менее, сохраняет такое свойство классического натюрморта, как пространственность.

Этот жанр предполагает моделирование некоторого замкнутого пространства, что подчеркивается взаимным расположением двух плоскостей: вертикальной и горизонтальной. Поэтому особое метафизическое значение обретает линия их пересечения. Этот элемент акцентируется Мишиной на таких полотнах, как «Маки не затерялись», «Розы и красное», «Ирис, королевский цветок», «Дикие подсолнухи», «Белым о времени». Априорность пространственности — конструктивная основа дифференциации живописных жанров — просматривается в работах Мишиной всегда, даже будучи сокрытой за их красочной поверхностью (диптих «Перламутровая игра», «Пиршество флоксов»).

Радость от общения с миром, от созерцания его многообразия, претворяемая в красочную стихию, становится содержанием натюрмортов Мишиной, а раскрывается оно прежде всего через изображения цветов. Это неслучайно. Цветочный натюрморт — очень яркая, сочная, красивая линия в развитии живописи, отправной точкой которой является творчество голландских мастеров XVII в. (А. Босхарт Старший, Б. ван дер Аст, Я. Д. де Хем, Я. Брейгель Старший). Затем, ставшая еще более уверенной благодаря романтикам, эта линия будет соединять самые разные художественные направления, начиная с конца XIX в. подчеркивая их сосредоточенность на изобразительном языке, его смысловой самодостаточности.

Цветы — тема, позволяющая раскрыть всю семантическую полноту жанра натюрморта. Это одновременно «*natura morte*» и «*natura vivante*», своеобразная «*stilleven*», «*still life*», но именно такая, в которой просматривается идея «*vanitas*». И потому они были столь привлекательными для голландских мастеров. Цветы — кричаще-яркие и трепетно-нежные, гибкие, пластически неисчерпаемые и предельно простые. Это — единство многообразия, в котором пластика форм, подчас очень сложных, разыгрывает перед нашим взором мистерию колористических модуляций. И поэтому цветы — неотъемлемая

составляющая живописи А. Фантен-Латура, Э. Мане, П. Сезанна, В. ван Гога, А. Матисса, И. Грабаря, М. Врубеля, П. Кончаловского и многих других выдающихся живописцев.

В картинах Татьяны Мишиной прочитывается знание художественных решений мастеров прошлого, иногда и прямая обращенность к ним — в смысле творческого диалога, в процессе которого она предлагает свою неповторимую трактовку этой темы.

Так, изображение букета на темном фоне («Дикие подсолнухи» — 1) несет на себе печать барочной роскоши голландского панно. Но подобные вещи практически не писались с натуры; фон, резко контрастирующий с формой (чаще всего темный) выступал основным способом создания единства изображаемого, но единства застывшего, бережно охраняемого, единства элементов самоценных, символически нагруженных и потому — тщательно прописываемых, несколько стилизованных. Живопись барокко, безусловно, откроет динамическое единство, достигаемое благодаря пластике светотени, но не в цветочном натюрморте. Татьяна представляет букет именно так, через динамическую обобщаемость формы, оставляя ее частично погруженной в среду, пространство. Это возможно прежде всего при письме с натуры (но при достижении определенного мастерства, что немаловажно отметить), позволяющем одновременно передавать целостность воспринимаемого, отсекая все несущественное, и при этом приостановить взор, выделяя для себя что-то вроде бы тоже не главное, но удивляющее, что-то подсмотренное у природы и доставившее неожиданную радость.

Развивая эту тему, Мишина обогащает фон, добавляя белое и оранжевое, два элемента, контрастных фону и поддерживающих, подчеркивающих красоту букета («Дикие подсолнухи» — 2).

Увлекательная игра, порожденная столкновением реалистического и условно-формального, пластики живого цветка и геометрики фона, проследживается в нескольких работах. Но теперь уже весь фон предстает цветным, ярким: вместо контраста тонального живопись Татьяны обращается к поляриностям спектра («Пиршество флоксов», «Маки не затерялись»). Особенно полно этот подход реализуется в картине «Ирис — королевский цветок». Уже один только фон мог бы предстать в качестве произведения абстрактного искусства: настолько гармоничным оказывается сочетание белого и черного, двух серых с оранжевым и небольшим количеством красного. Но на оранжевом, золотисто-оранжевом поет ирис свою сиреневую песнь, она и стала возможной только благодаря этому оттенку, слегка сдвигающему традиционное представление о цветах основных и дополнительных. Ему вторит мак, поддержанный рядоположенным зеленым и — тем самым красным в фоне. Неожиданно эти голоса тонут, уступая аккорду, тоникой которого становится золотисто-желтое.

Картина «Пиршество флоксов» строится исходя из того же самого столкновения условного и реалистического, но основное достоинство ее не в этом. Она действительно являет собою пиршество — пиршество чувственности: нежное дыхание персикового, розового, почти лилового и страстность красного, алого, пурпурного. И — снова нежность, но как отдохновение — в сиреневом.

Экспериментируя с фоном, Т. Мишина не отказывается и от традиционной трактовки его — в работах «Розы и красное», «Натюрморт с бусами». Фон дается при помощи драпировки, становясь предметным. Он — такая же вещь, как и другие, но призванная «овеществить» пространственную

самозамкнутость этого маленького мира, замкнуть воссоздаваемую в картине глубину. Такой фон берет на себя часть объемно-пространственной моделировки этой «тихой жизни», играя с тенями, упавшими от предметов, обращая их протяжение в вертикали, возвращая взгляд, уже было готовый выскользнуть, преодолев раму. Но эти два полотна хороши прежде всего своей наполненностью цветом: классическая коллизия между цветом и объемной формой предметов разрешается Мишиной в духе фовизма — через поиск решения компромиссного, через спектральную моделировку фигуры в противовес тональной. И уже хочется дать «Натюрморту с бусами» иное название: так воздействует красное, сопрягаемое с букетом и растекающееся по драпировке. Но это красное не было бы «именно этим красным», если бы не переливы изумрудного и ярко-голубого, индиго и откровенно-зеленого — в фоне, на вазе, на «тех самых» бусах.

Многообразие художественных решений — это основная характеристика творческого потенциала. Иногда эти решения принимаются последовательно. Тогда в творческой биографии можно выделить те или иные «периоды». Но бывает, что несколько линий изобразительности сосуществуют и развиваются параллельно.

К примеру, наряду с такими сложными вещами, Т. Мишина создает работы композиционно лаконичные: «Красное, белое» и «Ожерелье орхидей». Они характеризуются пластической выразительностью фигуры-цветка (того же самого флокса или орхидеи) по отношению к фону. Будучи доведенной до графичности, почти иероглифической, она становится объединяющим началом для этих, столь различных в колористическом отношении, работ. Первая из них выглядит как чистая цветовая конструкция, на которую налагается подчеркивающая ее форма. Другая же являет собой торжество тона через два его полюса, лишь немного не доведенных до крайностей белого и черного.

Полярности и контрасты в живописи присутствуют всегда, но существует множество способов представить их в «снятом» виде, сближая колористические отношения, например через разбел. Так возникает пастельная гамма: «Нежность», «Букет в пастельных тонах», «Посвящение И. Ф. Хруцкому». Последняя картина написана под влиянием русского мастера, что, собственно, и отразилось в названии, хотя влияние это скорее внешнее, связанное с выбором предметов изображения, набором тех же цветов в букете. Но каждый оттенок цвета — уже собственный и неповторимый. Такова логика живописи: чем меньше заданный диапазон колористической «растяжки», тем утонченнее видение мастера, обеспечивающее цветовое различение-скачок, без которого изображение обратится в однородную серую массу.

Продолжение этой живописной идеи, но доводимое до предела благодаря предмету, естественным образом подсказывающему переходы-переливы сиреневатых и розоватых, золотистых, зеленоватых, голубоватых оттенков, реализуется в натюрмортах с раковиной (диптих «Перламутровая игра»).

Тематика натюрмортов Т. Мишиной не ограничивается цветами: ведь не столько цветы, сколько цвет, его многообразие, есть подлинная тема живописи, сущностная и содержательная. Является она через предметы самые разные. Очень интересна поэтому картина «Белым о времени».

Этот натюрморт с часами, книгами, предметами искусства создан вполне в традиции «vanitas»; в то же время — в качестве живописного текста — это слово московской художницы в диалоге с Полем Сезанном. Прежде всего отметим, что связующим звеном — при внешнем сходстве сюже-

та работы Мишиной со знаменитым «Натюрмортом с часами из черного мрамора» — выступает то, что символическая нагруженность выбора изображаемых предметов не превалирует над живописной. Но Сезанн — он и в этой ранней работе полностью верен себе, своему творческому методу, основанному на обращенности к базисным формам, пластическим архетипам. Для Мишиной же важна сама живописность — как нечто безусловное, самодостаточное — и погруженность в нее. В этой работе она обретает неожиданную ипостась. Теперь уже белое, нейтральное и — вобравшее в себя всю стихию живописи, становится началом, объединяющим все предметы, позволяя, в этом сегменте пространства, приостановить неумолимо педантичное время.

ББК 85.125.63(2)-8

Г. С. Смирнов

ДЕТСКИЕ И РАЙСКИЕ МИФО-МИРЫ: СВЯЗЬ ВРЕМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ О. СУББОТИНОЙ

В 2014 г., названном Годом культуры, исполняется 90 лет со времени рождения Артели палехских художников. К Палеху постепенно возвращается тот интерес, который связан не с финансовыми потоками, а с движением региональной духовной жизни. В этом движении есть место и для палехской художницы О. Субботиной, отметившей в мае 2014 г. свой жизненный и творческий юбилей.

Ключевые слова: детские миры, палехская миниатюра, эволюция регионального художественного сознания.

2014, called The Year of Culture, — is the 90th anniversary of Palekh artists artel. Palekh is gradually gaining the interest which is connected not with financial flows but with the movement of regional spiritual life. There is the place in this movement also for the Palekh artist O. Subbotina, who had celebrated her life and career jubilee in May, 2014.

Key words: children's worlds, Palekh miniature, evolution of regional artistic consciousness.

Каждый палехский художник самобытен, его творчество выражает внутреннюю личностную сущность, несмотря на то что для всех мастеров Палеха есть одна общая традиция: она включает в себя не только древлеправославные и новоправославные иконописные архетипы, столетиями определяющие сознание зашуйского Палеха, но и «эйдосы» советского Палеха — мир земно-светской миниатюры, которая лишь на первый взгляд находится вне традиции. Светско-советский Палех насквозь пронизан многообразными формами религиозного сознания. Сейчас принято разделять и даже разрывать дореволюционное и советское, советское и постсоветское, однако, может быть, именно палехское искусство позволяет понять, что народная культура континуальна, органична и целостна, она неразрушима, ибо питается невидимыми, но очень

© Смирнов Г. С., 2014

мощными корнями локусного (сельско-местного) человеческого духа, выживающего даже в обстоятельствах предельно бедственных.

Как художник Ольга Субботина принадлежит к среднему поколению, в начале 70-х гг., учась в художественном училище, она еще застала мир старых мастеров-артельщиков-иконописцев, но в то же время прикоснулась и к высокому «миниатюристскому» Палеху. Исходной точкой формирования ее художественного сознания было «пост-оттепелевское» веровательное возрождение советского общества, серьезно обратившегося к еще не потерянной религиозной старине. «Суровый стиль» сельской жизни как добровольная аскеза после военной разрухи оказался очень продуктивным в творческом плане. Именно в это время формируется особая генерация палехских мастеров, многие из которых, по сути, являются академиками села-академии, хотя ни старое, ни новое государство не оценило по достоинству их творческое дерзание, доходящее до самоотречения. Даже лишившись звания членов Союза художников, они не потеряли связи духовного союза, считая, что рано или поздно жизнь возьмет свое: живительные токи древней палехской традиции возродят мировое древо палехского искусства.

Думается, что сегодняшний Палех потому и живой Палех, что связал народную и академическую традиции, которые многие искусствоведы сознательно разводят и противопоставляют друг другу. Мир современного искусства синкретичен и потому сверхсложен, «цветущая сложность» составляет главное, а пустоцвет отпадает сам собой, чтобы в будущем древо палехского искусства вновь могло заплодоносить и дать жизненную силу новым веяниям. Неслучайно народная сказка в пушкинском «академическом» переложении оказалась столь востребованной в палехском искусстве, она на новом языке — более чем понятном — позволила осуществить аутентичный перевод, сделать старое новым, объяснить необъяснимое.

Соединение языческого как природного (политеистического) и православного как духовного (монотеистического) в одном художественном пространстве требует большого мастерства, тайна синкретизма у каждого мастера проявляется по-своему. В. М. Ходов в тарелке «Жаворонок» (1978) показал, как это возможно сделать в условиях развитого социализма: над головой «юноши веселого» светит Ярило-Солнце, но в бесконечной высоте звенит «жаворонок звонкий», словно Святой Дух.

Полнота религиозного чувства в русской культуре проявлена как непротиворечивость моно- и политеистического видения мира, как их антропологическая и человеческая дополнительность. Особенность советского Палеха эпохи развитого социализма, может быть, в том и заключается, что даже партийные цензоры не видели второго плана палехского художественного сознания.

В. М. Ходов как человек и как мастер оказал огромное влияние на многих палехских художников, но в творчестве Ольги Субботиной ходовская линия символического мышления проявилась, вероятно, с максимальной силой. Старые мастера, кажется, сознательно уходили от этой «белильной подготовки» (т. е. указания на религиозную подоплеку сюжета), особенно хорошо это видно в пластинах Н. М. Зиновьева. «Смывание» религиозного предстает как новый заказ: была одна власть — велела рисовать одно (и строго следила за тем, чтобы было поменьше отступлений от канона), пришла советская власть — и платит за другие темы, востребованные на европейском рынке за валюту.

Пожалуй, лишь у И. И. Голикова проявилось то органично-синкретическое (в его символике «Тройки-Троицы» и «Красного пахаря» как Творца),

что стало позднее главным для мастера подводных течений, заслуженного художника РСФСР В. М. Ходова.

В работах Ольги Субботиной связь времен предельно естественна, лучшие из них создавались в эпоху народного движения к свободе: пред- и постперестроечные годы истории страны сделали двуязычие одноязычием, эзопов язык стал ненужным: искренность простоты и простота искренности оказались сродни японским «саби», «ваби», «сибуй».

Обратимся к шкатулке «Свадьба» (1978), композиция которой очень близка тарелке В. М. Ходова «Песня» (1979). «Браки совершаются на небесах» — эта идея выстраивает композицию как годичный круг бытия, как кольцо мира, огораживающее букво-вязью заговоров остров семейной жизни, на котором растет древо мира как символ райского сада с летающими райскими птицами. «Синяя птица» счастья и живое Солнце освещают земное человеческое пространство. Сказочно-языческое в этой работе еще пересиливает православно-венчальное, поиск гармоничности, полноты естественности духовного и материального еще впереди, перед нами художественное воплощение мифо-сказочного мира с радостной полнотой природного и человеческого бытия.

Тема детскости в палехском искусстве была не слишком востребована, дети часто оказываются слишком сильным приземлением, однако это потаенное и есть художественное осмысление главного пространства человеческой жизни — мира детства в его двух пересекающихся координатах: своего детства и детства своих детей.

Художественная философия детства, как это ни неожиданно, возникает в творчестве мастера палехского искусства и знатока русской поэзии Серебряного века Н. Ф. Вихрева. В его работе «Новая игрушка» (1955) изображена новая Москва на фоне сталинских высоток и большой буквы М, обозначающей московское метро.

На детской площадке мальчик с красным галстуком и в тюбетейке мчит на коляске, запряженной огнегривым черным скакуном, а сзади бежит разновозрастная детвора. И все бы ничего — обыкновенный советский лаковый реализм — если бы на крыше стоящей на заднем плане палатки не был изображен сюжет из ершовской сказки о Коньке-Горбунке. Реальность сказки и сказочная реальность переплелись в «столичном реализме». (Где подсмотрел этот образ Николай Федорович? Куда бежит страна через десятилетие после окончания войны?) И все-таки «главный детский мир» не мир социальный, а мир человеческий, тот, что с некоторых пор называется «временованием» и «подлинным бытием» независимо от пространства применения этих понятий...

Женский мир купания ребенка как апофеоз возвышенной повседневности в работе О. Субботиной «Купание» (1989) неотделим от христианских мотивов крещения. «Женская Троица» почти «рублевская» по сим-вольности и колориту, земная обыденная философия «погружения» и «поливания» «каждый раз новорожденного» — все это бытийная мандорла полноты вселенской жизни маленького человеческого семейного локуса («Бабушка Соломоньюшка Христа парила да и нам парку оставила...»).

Надо ли пенять художнику за неожиданный парадокс, который оказался столь близким великому смыслу человеческого обновления и философии русско-православной женственности. Русская философия женственности в ее словесной форме не имела столь ясно и полно выраженных смыслов, значение которых еще только сейчас (в эпоху еврогомопарадоксов) улавливается

по принципу противоположности. Недаром эта работа, приобретенная парижским коллекционером, оказалась широко растиражированной в открытках. Праздничность красно-кирпичного фона, его отличие от традиционной палехской чернофонности показывает в подспудности радость той забытой эпохи, которую можно было бы назвать «на излете перестройки», — годом позже нежданного празднования тысячелетия христианства в России (1988).

Детская тема как торжество гуманистической линии в обновленном палехском искусстве многопланова, ее откровения видны в работах И. В. Ливановой («Утро», 1998), Е. Ф. Щаницыной («Рождество в Рождестве»), Т. М. Ходовой («Встреча невесты» 1999). Посредством женского художественного творчества сформировался образ райского детства как особого неугасимого мира.

Эта большая палехская миро-реальность детства проявляется и в «колыбельной серии» О. Субботиной. Устное народное творчество в присказке «Расти, расти, деточка, зеленая веточка...» (из песни матушки Людмилы) и декоративно-орнаментальные палехские жар-птицы неотрывны от почти богороднического средника шкатулки «Колыбельная» (2000). Не случайно именно эта работа вошла в широко известный презентационный альбом, посвященный палехской миниатюре (*Пирогова Л. Л.* Лаковая миниатюра. Палех : альбом. М., 2001). Перед нами фактически художественное переосмысление иконописной традиции, но переосмысление с погружением в эстетику земно-бытовой жизненности. Красота земной жизни в философии палехской семиотики собрана во всей ее полноте.

В 2002 г. Ольгой Субботиной в шкатулке «Праздник» создана, пожалуй, самая уникальная версия духо-природности: торжествующее православие в образе Крестовоздвиженского храма в Палехе неотрывно от растущего и цветущего Древа Мира с сидящими на ветках поющими птицами. Птичий мир Сергия Радонежского манит к себе сестричку Аленушку и братца Иванушку, бегущего вослед сестре и ведущей их матери. Великий праздник Причастия — это и праздник приобщения к природе как храму: на стенах церкви и колокольни словно кракелюрами проступают природные цветы пока еще «закрытого» храма.

Так рождается новая философия детства, о которой еще в 1955 г. размышлял Н. Ф. Вихрев, но которая в палехском искусстве родилась как провозвестник детства самого палехского искусства (а не упадка, по мысли некоторых)... Когда думается, что эпоха завершилась, чаще всего это означает, что родилась новая эпоха. «Праздник» в творчестве О. Субботиной, наверное, воплощение самой яркой русской мировоззренческой идеи в поисках самобытного народного сознания: Россия возвращается в блаженный мир горного и дольного Царствия Небесного, но, выражаясь современным языком, это виртуальный мир, от которого невозможно отказаться, даже если его никогда не будет.

Эволюция палехского эстетического и художественного сознания — весьма трудная тема. Каждый художник вносит свою лепту в это невидимое духовное движение. Некоторые сюжеты его развития можно увидеть в лично-искреннем творчестве палехского мастера Ольги Субботиной.

Сведения об авторах

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет.
kebaldin@mail.ru

ИЛЬИН Юрий Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
Pyin37@mail.ru

КАПУСТИН Николай Венальевич доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет.
nkapustin@mail.ru

КОГАЛОВСКИЙ Сергей Рувимович кандидат физико-математических наук, профессор, Шуйский филиал Ивановского государственного университета.
askogal@yandex.ru

КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru

КУЛИКОВА Ольга Борисовна кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный энергетический университет.
kulickovaolg@yandex.ru

МАТСАР Майе кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философских и социально-политических дисциплин, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова.
maieke@yandex.ru

ОВЧИНИНА Ирина Алексеевна доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет.
ovchn@yandex.ru

СМИРНОВ Григорий Станиславович доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
gssmirnov@mail.ru

СТЕПАНОВ Аркадий Владимирович кандидат исторических наук, доцент кафедры
дореволюционной отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
pastenovas@mail.ru

ТАРАСОВ Алексей Юрьевич кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник сектора археологии,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.
taleksej@mail.ru

УТКИН Александр Витальевич сотрудник археологического музея,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2014. Вып. 3 (7). Филология. История. Философия**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Балябина, О. В. Боронина, О. А. Кручинина*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*
обложка *Р. Е. Круглов*

Дата выхода в свет 24.10.2014 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 100 экз. Заказ № 219. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru